

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Михаил МИХАЙЛОВ

МАСТЕР РУН

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Annotation

Как стать магом нашему современнику? Рецепт довольно прост. Нужно попасть в соседний мир, угодить в ученики к безумному магу, мечтающему завоевать весь мир... И с этого момента судьба начнет с вами играть или, точнее, проверять вас на прочность, с каждым разом подкидывая испытания все сложнее и опаснее. И если не сломаетесь, то получите в конце вожделенный приз — титул мага.

Михаил Михайлов

Мастер рун

© Михаил Михайлов, 2017

© Художественное оформление, «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

* * *

«Вранглер» мягко переваливался на кочках, вминая их в раскисшую осеннюю почву. Некогда тут вспахали поле и оставили под паром. Вспахали грубо — прошлись только плугом, без бороны. С того момента минуло много лет. На поле то там, то здесь торчали метелки молодых сосенок. Некоторые особо невезучие экземпляры ломались под зубастыми покрывками дорогого внедорожника.

Почему забросили пахоту — никто не знал. Может, в этот момент фермер разорился, может, земля оказалась истощенной и явно не гарантировала бешеные барыши, а вкладывать деньги в хорошие удобрения, которые не испортят будущий урожай ядовитыми примесями, никто не хотел.

Вскоре поле закончилось. Впереди показалась впадина, заполненная жидкой грязью. Водитель джипа остановился на самой границе более-менее твердой почвы и песчано-глинистого киселя. Матерком помянув некоего Архипа, он достал телефон. Но, бросив взгляд на экран, выразился гораздо забористее: сеть здесь не ловилась.

Рисковать и проверять, кто выйдет из схватки — мощный дизель с приводом на все четыре колеса, самоблокирующимися дифами и понижайкой или сметанообразная субстанция из воды, песка и глины с неизвестной глубиной, — водитель не стал. Тут может так случиться, что и лебедка не поможет. Да и цеплять ее поблизости не за что — впереди только мелкие камни да хилые деревца.

Вывернув руль, он включил заднюю передачу и сделал разворот. Через сто метров отыскал участок посуше и съехал с поля. Несмотря на то что грязи поубавилось, ехать проще не стало, скорее наоборот. Постоянно приходилось объезжать камни, замшелыми бородавками торчавшие из земли. Вообще было непонятно, зачем понадобилось пахать в этой местности, такой богатой на булыжники. И каких трудов стоило очистить несколько гектаров от этих «даров природы».

Еще полчаса джип крутился среди балок и редколесья. Наконец финишная точка и маркер автомобиля совместились на экране навигатора.

— Все? — вслух произнес молодой водитель. — Не верю.

Минуту он провел в кабине, отдыхая после тяжелой поездки. ГУР и подвеска идеально справлялись со своими обязанностями, поддерживая нужный комфорт и удобство во время вождения. Но тяжелая своим видом дорога и боязнь налететь на невидимый в пожухлой траве камень или провалиться в скрытую яму выматывали буквально физически.

— Черт, тут мыть и мыть, — вздохнул водитель, когда покинул уютный салон и посмотрел на то, во что превратился дорогой внедорожник, потом приставил ладони рупором ко рту и во весь голос закричал: — Архип! Ау! Э-ге-ге-эй! Архип!

На вершине ближайшего бугра показалась человеческая фигура в темно-коричневом охотничьем камуфляже. Несколько секунд неизвестный стоял неподвижно, потом из чехла на груди достал маленький бинокль и принялся с его помощью рассматривать машину и ее владельца. И его совсем не смущало, что расстояние между ними было едва ли больше полутора метров.

— Совсем сбрендил однокашник... — усмехнулся водитель. — Архип, да один я, один! Как договаривались!

Через несколько минут два друга обнялись.

— Ты совсем чокнулся, Архип, — усмехнулся новоприбывший. — Что за конспирация, бинокли, тмутаракань?

— Потом расскажу, сначала ты все сам должен увидеть, — отмахнулся Архип. — Слушай, попить есть? Я еще утром последнюю воду выхлебал.

— Тебе воды мало? — кивнул подбородком на небольшие лужицы вокруг его собеседник.

— И свалиться с поносом? Или чем похуже? Так есть или нет? Костя, не тяни кота за хвост.

— Да на, пей.

Из машины была вытащена начатая литровая бутылка артезианской воды и вручена жаждущему. Пока тот торопливо пил, Костя внимательно его рассматривал.

Невысокий и прежде полный, друг детства и одноклассник заметно похудел с момента последней встречи, хотя прошло чуть больше месяца. Недельная щетина покрывала щеки и шею, усталые глаза на осунувшемся лице — в темных кругах, пальцы — в свежих и заживших ссадинах. Одежда сильно запачкана глиной, видны несколько пропалин от огня.

— Ты сколько тут торчишь? — поинтересовался Костя.

— Дней пять. С сегодняшним.

— Ничего себе! — присвистнул друг. — И ради чего?

— Скоро сам все увидишь. Ты привез?

— Привез, конечно. Как и обещал. А тебе зачем эта штука?

Но приятель явно не собирался в ближайшее время давать ответы, на все вопросы отговариваясь вариациями короткой фразы: «Сам увидишь».

Тяжеленный, весом чуть менее ста пятидесяти килограммов, бензиновый электрогенератор на девять киловатт был вынут из багажника и погружен на небольшую тележку. Еще такой же остался в багажнике, дожидаться своего часа.

— Может, доедем?

— Машина не пройдет, там камни сплошные, — отрицательно мотнул головой Архип.

— Вот же... Архип, далеко тащить-то? А то мне еще машину мыть, а сейчас на мойках очереди, как за водкой в полдесятого вечера. Меня отец прибьет, если такую поставлю.

— Успеешь... — пропыхтел тот, пытаясь в одиночку стащить с места тяжеленный груз. Удалось, но друг мгновенно покрылся испариной, несмотря на прохладную погоду. Костя вытащил из багажника канистру с топливом, поставил на тележку и впрягся рядом с другом. Вдвоем дело пошло живее, но понадобилось пятнадцать минут, чтобы затащить генератор в глубокую балку, дно которой было завалено разновеликими булыжниками. В одном из склонов чернела дыра в человеческий рост.

— Нам туда? — кивнул в сторону пещеры Костя.

— Ага, немножко осталось.

— И ты хочешь там запустить эту зверь-машину? Там хоть вентиляция есть? Угорим же.

— Не угорим, там ненадолго, — заверил Архип. — Ну, поднажмем, а?..

Поднажали. В пещеру генератор заталкивали из последних сил. Тяжело дыша, Костя сел и прислонился спиной к холодному камню стены. Света снаружи едва хватало, чтобы понять — пещера невелика, всего-то метров пятнадцать в длину, причем половина приходится на узкий проход. В ширину — порядка десяти, и высотой около трех.

Отдохнув минут десять, друзья вернулись за следующим генератором, который поставили рядом с первым.

«И откуда только силы берутся?» — пронеслась мысль у Кости при виде суетящегося друга. Тот не стал пытаться в одиночку утащить генераторы глубже в пещерку, а принялся с ними возиться там же, где стояли, — неподалеку от входа, подсвечивая маленьким фонариком с севшими — судя по тусклому свечению диода — батарейками.

Очень скоро раздался стрекот стартера, сменившийся грохотом заработавшего движка. В маленьком замкнутом объеме этот звук сильно бил по ушам. Костя поморщился и непроизвольно вжал шею в плечи, словно пытаюсь спрятать чуткие уши.

— Вот, держи! — рядом оказался Архип и что-то протянул.

— Что это?

— Вата для ушей... то есть беруши из аптеки; а то оглохнешь!

— А-а...

С затычками в ушах грохот генератора стал заметно тише. Даже усталость отошла, а ей на смену пришло любопытство: чем же тут занимался все это время приятель и зачем ему понадобился такой мощный аппарат?..

Кругом были протянуты жгуты проводов, стояли коробки приборов, начиная обычным амперметром и заканчивая непонятным ящиком, размером с прикроватную тумбочку, с десятком стеклянных окошек со стрелками и делениями «чего-то там». Несколько энергосберегающих лампочек на штативах давали свет.

Половина левой стены пещеры была увешана металлическими пластинами размером от сигаретной пачки до маленького, в две ладони, планшета. К каждой пластине из светлого металла подходил толстый медный провод, удерживаемый «крокодильчиком».

Пластины шли широкой полосой от правого нижнего угла к левому нижнему, образуя трехметровую арку.

— Это что за «звездные врата»?! — удивленно воскликнул Костя, увидев впечатляющую конструкцию.

— Это портал! — торжественно произнес Архип.

— Чего?..

— Портал в... куда-то, в общем. Я пару лет назад нашел записи в архиве, из закрытого фонда. Там еще на бересте и бронзовых пластинах записано было...

— Ближе к теме, — попросил Костя, зная, что если его приятель сейчас зависнет на подробностях, то до сути доберется не скоро.

— Ага, короче... хм, прочитал, что наши прапра- и еще много раз пра- предки общались с жителями других миров, которые называли по-разному: например, ты слышал о Беловодье?..

Костя про себя застонал, а в ответ просто отрицательно мотнул головой.

— Ага, понятно... ну так еще называли тот мир. Там сплошь волшебники жили, а к нам за одаренными людьми приходили и пленниками.

— То есть?.. За своими пленниками? Наши предки и эти... беловодцы воевали?

— Да нет, не за своими. Нашими пленниками.... тьфу, блин, запутал ты меня. Короче, раньше племена и народности между собой резались почем зря. Захватывали пленных, которых приносили в жертву богам, возвращали за выкуп или делали рабами. Таких вот пленников жители Беловодья и скупали, а в обмен давали золото и всяческие поделки.

— А что за одаренные?

— Ну... — Архип пожал плечами, — не знаю. Может, умных каких очень, красивых или тех, кто мог стать чародеем в Беловодье. В записях это мельком оговаривается. Мол,

одаренных жители волшебного мира принимали с радостью и платили невероятно много. Есть еще источники, но мне до них не добраться. *Пока* не добраться, но я над этим работаю...

— Ты про пещеру эту расскажи: зачем эти пластины, генератор, провода? А то мне уезжать нужно, батя разозлится, если вовремя не поставлю машину, да еще на мойку надо...

— Да что ты привязался со своей мойкой?.. — отмахнулся от слов приятеля Архип, как от чего-то незначительного. — Тебе неинтересно узнать о другом мире?

— Неинтересно, — отрезал Костя. — Мойка меня волнует больше.

— А...

— А интересно узнать, из-за чего ты тут с ума сходишь, — прервал возмущенный возглас друга Костя. — Поэтому говори быстро. Или я твоим родакам настучу, что ты с ума сошел и спрятался в пещере. И даже доведу их сюда.

— Да ты!.. — прямо-таки задохнулся от возмущения Архип. — Да ты знаешь кто, Маркин?!

— Ближе к теме, дружище, и не фамильничай уж.

Архип с минуту сверлил гневным взглядом друга, потом сдался и с заметным раздражением в голосе принялся рассказывать:

— В этой пещере был портал, соединяющий наш мир и Беловодье. На стене есть следы от крепления деталей портала. А по стене идет жила железной руды, выходящая наружу. Слабенькая, едва приборами ловится, зато ржавчина видна на камне. В записях говорилось, что портал открывался во время сильной грозы, когда молнии били в вершину холма. Скорее всего, электрический разряд и активировал портал, давал энергию, а дальше его удерживали с той стороны маги. Говорится, что портал представлял собой набор пластин светлого металла, который не менял свой цвет. Так как про серебро известно давно, да и темнеет оно со временем, и про него ничего не сказано, я решил, что стоит поэкспериментировать с другими металлами. Взял нержавейку, алюминий, титан. На всякий случай и серебро взял, и даже немного платины. Магниевые пластины есть...

— Серебро? Платину?! — перебил рассказчика удивленный Архип. — Да ты в любовницах дочь миллионера имеешь, что ли?!

— Да там совсем немного платины. Сумел достать сетку для катализации с нашего химзавода, с одним рабочим договорился, за сто тысяч. Потом доработал до пластин сам, хотя это было очень тяжело. Ты знаешь, до какой температуры нужно нагревать платину, чтобы расплавить?

— Не знаю и знать не хочу.

— Эх ты... — махнул рукой Архип. — Еще несколько монеток в банке купил и расплющил. А серебро — техническое, пластины с трансформатора. Титан купить намного проще и дешевле.

— Лопаток в садовом магазине накупил? — засмеялся Костя.

— Да там вранье одно про титан... Нет, купил его через Интернет, как для мелкой фирмы, занимающейся сварочными работами именно с титановыми материалами и сплавами из него. Там хоть проволоку, хоть прутки, хоть узкие ленты заказывай.

— Слушай, а откуда деньги? Вряд ли там суммами по десять тыров интересуются. Да и сотку за платину откуда-то нашел...

— Я свою квартиру продал, — спокойно ответил Архип.

— Бабкину квартиру, в центре города?! И родители позволили?!

На Костю накатило шоковое состояние.

— А они не знают, я себе сейчас комнату в общежитии снимаю, на Южной. Там и до работы ближе.

— Ты псих, Архип. Знаешь это?

— Сам ты псих. Когда я открою портал, этих квартир у меня будет... целый город.

— Ну-ну.

— Ничего ты не понимаешь! — запальчиво проговорил Архип. — Здесь правда был портал в другой мир. И таких полно по всему нашему миру. Иначе откуда разные гигантские знаки на Земле, которые повторить людям не по силам даже сейчас? А пирамиды из многотонных блоков? Идолы на острове Пасхи? А рисунки гуманоидов в скафандрах или странных доспехах, сделанные в ту эпоху, когда даже бронзы не знали и носили как одежду обычные выделанные шкуры? А...

— Все, убедил, — прервал эмоциональную речь друга Костя. — Давай по-быстрому включай свою шайтан-машину, и потом уберемся отсюда.

— Я не уйду, — насутился Архип.

— А куда ты денешься? — усмехнулся его друг. — Скручу и суну в багажник, если понадобится.

На фоне невысокого и исхудавшего Архипа крепкий и высокорослый Костя, постоянно посещающий тренировочные залы, смотрелся внушительно.

— Да как ты не поймешь...

— Все я понимаю. Так что включай. Потом поедем ко мне, там умоешься, отоспишься. Кстати, тебя с работы не поперли за эти пять дней прогулов?

— Я в отпуске, — буркнул Архип, потом махнул рукой к противоположной от арки стене. — Там встань, на всякий случай. Там коврики изоляционные имеются, чтобы не тряхануло током.

Когда Костя оказался на месте, Архип заколдовал с приборами. Рев генератора усилился в ответ на увеличившуюся нагрузку. Архип плавно повел бегунок реостата вправо. Внезапно свет ламп потух и смолк грохот движка. Наступившая тишина была отрадой для издерганного слуха. Темноту слабо разбавлял свет двух «летучих мышей».

— Убедился, что все это ерунда? — наставительно произнес Костя. — Ладно, все: собирайся. За аппаратурой вернемся через пару дней. Надеюсь, тут никто до нее не доберется.

— Куда?! Да я еще даже ток не пустил на порталную арку! — Архип коснулся пальцем флажкового переключателя. — Скорее всего, предохранитель сработал в блоке, который я поставил сразу за генераторами. Сейчас быстренько переключу, запущу и активирую портал.

Архип почти бегом сорвался с места, при этом сильно, до непроизвольного вскрика, ударившись коленом о стол с приборами. И никто из ребят не заметил, как флажок переключателя упал в положение «Вкл.».

Решив, что стоит помочь приятелю с генератором, чтобы тот не угробил дорогой аппарат, Костя сошел со своего места и направился к выходу.

— Запускаю! — послышался громкий крик еще не отошедшего от недавнего шума Архипа. — Стой на месте, я сейчас!..

Негромко рыкнул двигатель генератора — и разом взревел на максимальных оборотах. Ослепительная вспышка сбоку чуть ли не до мокрых штанов испугала Костю. Раздался громкий треск, посыпались искры с пластин арки.

«Черт, черт, черт!» — пронеслось в голове. Он стоял всего в метре от искрящихся и быстро усиливающих свечение металлических пластин. Ноги дрожали от испуга. Да и шутка ли — почти вплотную словно молния ударила. До сих пор перед глазами все в «зайчиках», видна только сияющая арка. «Сука, только бы сослепу в проводах не запутаться, убьет же!..»

Замерев на месте, он опустился на колени и принялся ощупывать каменный пол, собираясь пусть и на четвереньках, на ощупь, но уйти с опасного места.

— Архип!!! Архип, етитскую твою душу, глуши свет!!!

Он повернулся спиной к арке и успел сделать первый шаг, когда позади беззвучно полыхнула вспышка. Яркий голубовато-белый свет затопил пещеру и накрыл Костю. Парень почувствовал, как его отрывает от пола и тащит в портал.

— Нет!!! — закричал он и судорожно замахал руками, пытаясь за что-то ухватиться. Тщетно. Уже проваливаясь в арку межмирового перехода, Костя зацепился за светящиеся пластины, но руки и все тело свело судорогой от разряда, и вытянуть себя обратно не удалось. А несколько пластин так и остались зажатыми в его пальцах.

«На мойку сегодня не попаду. Папаня будет в ярости», — пронеслась последняя, такая несвоевременная и глупая мысль.

Костя пришел в себя от жуткого холода. Машинально свернулся калачиком и стал нащупывать одеяло. Ничего из этого у него не вышло; следом появились боль от каких-то мелких предметов, впивающихся в тело, ощущение сырости и каменной твердости ложа.

Что за?..

Кровать и в самом деле оказалась каменной — огромный, метров восемь диаметром, диск черного мрамора. Высотой около метра. С двух сторон ступеньки из обычного серого булыжника. В отличие от мраморного «блина», ступени сохранились очень плохо, крошились под ногами. Сам Костя был гол. Полностью, даже намек на одежду не имелось. Зато на теле хватало следов от мелких камешков, толстым слоем покрывавших мраморную плиту. В левой руке был зажат оплавленный крошечный кусочек металла. Размером с ноготь. Легкий и прочный.

Титан или магний? Черт, а оно нужно — это знать?..

Было очень холодно, пахло плесенью и тухлыми яйцами. Тусклое свечение исходило от гнилостно-белого по цвету мха, покрывавшего стены и пол пещеры. Огромной пещеры, в ширину от одной стены до другой метров сто. А в длину раза в два больше.

Мох под ногами оказался и не мхом вовсе, а толстым слоем плесени и мельчайших грибков. Идти по этой липкой и пружинящей субстанции было очень неприятно. Да еще и ноги мерзли со страшной силой, почти потеряв чувствительность. Несколько раз Костя испуганно останавливался и ощупывал ступни, боясь, что плесень окажется едкой. К счастью, опасения не оправдались.

За час примерно он обошел всю пещеру, ощупал руками каждый подозрительный камешек, выступ и впадину.

Не пещера это. Судя по одинаковым размерам стен, качеству обработки и попадающимся под плесенью ровным стыковочным швам, Костя оказался в искусственном помещении. В огромном зале с невообразимо высоким потолком, который даже не проглядывался.

Он не нашел ни входа или двери, ни спуска или подъема, словно единственным проходом в этот зал служила черная плита портала. «Архип, черт бы тебя побрал, ты был прав — это портал. Я извинюсь обязательно. А теперь заводи свою шарманку и вытаскивай меня отсюда!..» — мысленно Костя то клял своего друга, то извинялся. Вслух ничего произнести не мог — губы и челюсти свело от холода. Температура была градусов пять-семь выше нуля. Без одежды, в каменной сырой коробке это, мягко говоря, сильно неприятно.

Он очистил от каменной крошки небольшой пяточок в центре мраморного круга, уселся, прижал колени к груди и обхватил их руками. Надеялся, что вот-вот вспыхнет сияющий круг, и он окажется в продымленной пещерке среди проводов и аппаратуры, рядом со своим чокнутым другом. «Ну же, Архипушка, я тебя лично проспонсирую, если вытащишь меня отсюда. Ведь тебя же мой отец прибьет, идиота эдакого!..»

Но время шло, а ситуация не менялась. Уходило последнее тепло из тела, становилось все холоднее вокруг. Костя заметил, как вместе с дыханием изо рта вырываются облачка пара. Тело почти потеряло чувствительность и вдруг стало вроде как теплее. Правда, пар не исчез, даже больше стало.

«Я как паровоз. Или просто замерзаю», — мысленно пошутил.

Он уже почти заснул, когда неподалеку раздались хруст и скрежет. Справа в стене на фоне светящейся плесени у самого пола появилась черная щель и понемногу расширялась, что сопровождалось жутким грохотом. Щель все росла, превращаясь в проход размером с огромные гаражные ворота. Наконец, когда проход стал метра четыре в высоту, шум прекратился. В нем показалась человеческая фигура ростом под три метра с... шестью руками.

«Местные жители... или у меня глюки начались от холода. Плевать, сейчас на все плевать», — Костя дошел до такого состояния, что было все равно. Даже откройся портал на Землю — и то он не нашел бы в себе желания и сил встать и войти туда. Проскочила мысль, что он надышался какого-то дурманящего газа, неспроста же тут так мерзко воняет. Плесень могла быть и не едкой, но при этом выделять отраву, которая усыпляла бы будущую пищу хозяина этой ловушки. Или местный воздух не подходит для Кости.

«Хотя маги же таскали от нас землян, не противогазы же тем приходилось носить всю жизнь», — вяло подумал он, наблюдая, как гигант неторопливо подходит к нему. Больше всего неизвестный напоминал внешне хоккейного вратаря в полной экипировке: нагрудная защита из трех широченных и толстых пластин — грудная с воротником, защита живота и паховая; высокие и широкие щитки-наголенники и набедренные пластины; шлем от самурайского доспеха с личиной-монстром. На предплечье каждой руки — по непонятному утолщению, то ли защита такая, то ли странный механизм.

Неизвестный ничего не сказал, когда подошел к порталной плите. Постоял молча несколько минут, превратившись в статую, потом одной ногой наступил на мраморный диск, наклонился вперед и верхней парой рук ухватил Костю.

Металл доспешных перчаток буквально обжег кожу, сбросив оцепенение. Пленник взвыл и попытался вырваться, но куда там! Хватка у гиганта была как у гидравлических погрузчиков. И притом довольно бережная — с такой силой легко раздавить хрупкое человеческое тело или как минимум переломать кости. Но незнакомец явно знал, как нужно обращаться с людьми.

Все так же не говоря ни слова, великан развернулся и направился в проход. Через несколько секунд Костя и его носильщик оказались в коридоре. Стены покрывала уже знакомая плесень. В нишах стояли обломки статуй и огромных кувшинов или ваз. Учитывая рост незнакомца, эти вазы запросто могли быть аналогом оконных цветочных горшков на Земле. Правда, почему такие статуи маленькие? Какие-то больше, какие-то меньше, но в среднем — размером с человека.

Из коридора они попали в другой зал — тоже просторный, но меньше порталного раза в два и сохранившийся гораздо хуже. Крутом разбитые каменные блоки, облицовочная плитка, десятки фрагментов от человекоподобных статуй, а вот плесени мало. Зато целые грозди грибов, похожих на вешенки, только светящихся, и с длинными тонкими усиками, свисающими со шляпок. И насекомые — мокрицы, тараканы, сороконожки и сколопендры: все огромного размера — меньше чем с ладонь не было ни одной мокрицы, а некоторые сороконожки — едва ли не в метр длиной!

На гиганта насекомые не обращали внимания, как и он на них: шел спокойно, не выбирая путь, и если кто-то из обитателей зала не успевал убраться с дороги, то раздавался негромкий чавкающий хруст под тяжелой стопой.

Закончился этот зал — начался новый коридор, потом опять зал, похожий на холл дворца из-за множества разломанных каменных лестниц. Великан пролез меж двух

лестничных пролетов, сложившихся домиком, и нырнул в какую-то темную нору. Здесь света не было, и Костя взмолился, чтобы незнакомец в темноте не приложил его о какой-нибудь каменный выступ. Мимоходом заметил, что ступени на лестницах были высотой сантиметров двадцать пять или тридцать. Вполне удобны для человека обычного роста. Так откуда же взялся этот гигант? Или это и не рыцарь вовсе, а боевой механический доспех с человеком в чреве — Батлтэч, и все такое?.. Потому и рук столько? Черт его знает, сюда бы Архипа, у того соображалка работала получше, если речь шла о чем-то малоизвестном или гипотетическом.

Незнакомец спускался все ниже и ниже, передвигаясь уверенно, словно ходил тут тысячу раз и выучил каждый сантиметр пути. Становилось теплее, хотя темнота и не думала пропадать.

Наконец впереди появилось серое слабо светящееся пятно. Через несколько минут вышли в огромный зал, полный света от висящих на стенах и потолке больших шаров размером каждый с баскетбольный мяч. Когда великан прошел рядом с одним из шаров, Костя почувствовал тепло, исходящее от него. Мягкое и приятное, как от солнца или инфракрасного обогревателя.

В зале много мусора и обломков, образующих местами целые горы. На одной из таких куч прямо под лампой-обогревателем грелась змея, свернувшись кольцами. Здоровенная, рядом с ней амазонская анаконда смотрелась бы как обыкновенный уж по соседству с питоном. Такая гадина человека враз проглотит и еще добавки попросит.

Великан среагировал мгновенно. Быстро сделал несколько шагов назад, посадил, почти бросил пленника на обломок колонны метра четыре высотой и направился к змее. А той уже и не было на месте. Заметив великана, гадина издала громкое, пробирающее до самых печенок шипение и метнулась навстречу. Все тело змеи покрывала крупная чешуя золотисто-коричневого цвета, на морде — костяная нашлепка с небольшими рожками.

«Носорог змеиный», — пронеслось в голове у Кости.

С негромким щелчком из странных контейнеров на руках великана выскользнули широкие клинки почти в полтора метра каждый. Шесть мечей ударили в змею и принялись шинковать ее, как ножи мясорубки телячью вырезку. Костя было решил, что бой быстро закончится — ну не соперник многометровая рептилия великану в стальной броне, — когда появился новый противник. Точно такая же змея, может, даже чуть больше, молнией ударила в спину «рыцарю». Да с такой силой, что едва не сбила с ног.

Следующий удар он принял на левые предплечья, сложив их вместе, словно крошечный щит. Рожки на морде змеи по прочности не уступали стали, это было видно по глубоким бороздкам, оставшимся на доспехах.

Обе змеи поочередно нападали на великана, пытаясь окружить, сбить с ног ударами морд и обвить кольцами, чтобы прижать руки со смертоносными клинками к телу и затем раздавить или разгрызть множеством мелких остроконечных зубов. Но воином гигант был отменным, да и сталь мечей хоть с трудом, но резала чешую гадин. Через десять минут все было кончено. Великан несколько раз насквозь пронзил головы змеям, дождался, когда затихнут судорожные подергивания их тел, и после этого вернулся к Косте.

Дальнейший путь прошел без неприятных встреч и закончился в небольшом зале, очень похожем на лабораторию.

Вдоль стен — столы из темной бронзы, два бронзовых же кресла с высокими спинками, три статуи, грубо изображающие толстых людей, чем-то напоминающие каменных баб-

истуканов из земных степей. В углах под потолком лампы-обогреватели. Пол и стены отделаны белой и золотистой плиткой, на потолке змеятся какие-то узоры.

У дальней стены прямо напротив входа, на огромном бронзовом столе с гнутыми витыми ножками лежит серебристая металлическая пластина в форме квадрата со стороной примерно в полметра и толщиной сантиметра два, а на пластине стоит голова от статуи. Больше всего похоже, что некто отпил от бюста голову по самый подбородок.

«Золото?» — подумал Костя, когда заметил сверкающий золотистый блеск металла, из которого отлита фигура. Он уже согрелся и успел отдышаться после ядовитых миазмов плесени. Вновь вернулись трезвое осмысление и любопытство. А еще пришел голод. Да такой, что Костя с тоской вспоминал про змей, убитых великаном. Он был согласен и с сыроедением, тем более что как-то услышал, что змеиное мясо считается деликатесом.

Шестирукий великан остановился в трех метрах от стола с металлической головой, поставил Костю на пол. Но отпускать не стал, цепко ухватившись нижней парой конечностей за плечи землянина.

— Капар пра гнотор? Арро лоригер, лигнор дилорруц?

Громкий чужой голос со старческими дребезжащими нотками громом раскатился в тишине помещения. Костя вздрогнул от неожиданности, на секунду замер и быстро завертел голову по сторонам.

— Арро лоригер?! Пра, пра грашар?! — с заметным раздражением вновь спросил что-то неизвестный. Чужой язык содержал много рычащих слогов: так, наверное, могли бы переговариваться тигры, случись им овладеть разумной речью.

Никого в зале не было, а звук чужого голоса шел со стороны усеченного бюста. Костя с интересом уставился на голову.

— Арро тирнер?! Драсан эрвам пенра?!

Незнакомец уже буквально исходил досадой, судя по тону. Внезапно великан схватил Костю за запястья и развел ему руки в стороны.

— Арро тирнер. Пингэх роллер?!

Костя раскрыл рот, собираясь сказать, что ничего не понимает, и в этот момент великан дернул землянина за руки. Да так, что чуть не вырвал их из плечевых суставов. От дикой боли Костя так заорал, как до этого не кричал никогда в жизни.

— А-а-а! Черт! Больно же! Что творите, суки! Я же ничего не понимаю!

— Орнат имапор бонарод тркаш? Чавор супан шасорин пучар харап, тюделир пра? — удивленно спросил невидимый собеседник. — Митгер выс забарун?

— Не понимаю я, не по-ни-ма-ю! — по слогам и со слезами на глазах от дикой боли в руках произнес Костя. — Да отпусти ты, гад!..

Словно поняв речь землянина, великан выпустил его из своего захвата. От неожиданности Костя не удержался на ногах и рухнул на пол.

— Тепер? Доран? Пирк? — продолжал вопрошать неизвестный.

Костя отрицательно помотал головой, потом, спохватившись, что в другом мире и мимика с жестами может быть другая, торопливо ответил:

— Не понимаю я, с Земли сюда попал. Мне бы домой, а?

В ответ — тишина. Минут пять ничего не происходило. Голова молчала, великан изображал статую, Костя сидел на полу и боялся пошевелиться, чтобы не нарваться на новую экзекуцию. Через пять минут великан подхватил его на руки и шагнул к одной из «каменных баб».

— Твою же мать... гад! Отпусти, я же вам ничего не сделал! — заорал бешено Костя и попытался вырваться, а когда увидел, как «баба» раскрылась, явив полную внутренность с какими-то светящимися пятнами, то даже вцепился зубами в стальную перчатку великана. Страх придавал таких сил, что землянин чуть не выскочил из чужих рук. Или гигант от неожиданности забыл, что одет в металл, которому человеческие зубы нипочем, испугался укуса и потому ослабил хватку. Правда, тут же схватил Костю всеми конечностями и ловко затолкал внутрь «бабы». Стоило светящимся пятнам коснуться голого тела, как землянина парализовало. Через секунду крышка захлопнулась.

Косте стало страшно. Так страшно, что он едва не оконфузился физиологически, мягко говоря. Больше всего эта «баба» оказалась похожа своим назначением на «железную деву», столь любимую земной инквизицией.

Свечение в саркофаге понемногу усиливалось, белый цвет сменился голубым, потом розовым, зеленым, пока не превратился в радужную какофонию. От дикой пляски цветов разболелись глаза и голова целиком. Костя смежил веки, но свечение проникало даже под них...

Сколько он пробыл внутри — не знал, потеряв счет времени. Когда же саркофаг раскрылся, он просто выпал наружу с дикой головной болью, тошнотой и полностью обессиленный.

— Сейчас ты меня понимаешь?

Знакомый старческий голос на этот раз прозвучал на чистом русском языке. Или нет? Рычащие звуки из речи никуда не делись.

— Раб, ты оглох или мне приказать голему вырвать тебе руки или ноги? — со злостью спросил невидимый старик.

— Нет, не надо! — встрепенулся Костя. — Простите, я себя плохо чувствую, голова болит, всю кружится перед глазами...

— Отлично, значит, ты понимаешь меня, — с удовлетворением сказал старик. — Итак, начнем все с самого начала. Кто ты такой и как попал в академию Дремор?

— Я... случайно попал, — торопливо заговорил Костя. — Друг активировал портал, а я стоял рядом — и меня затянуло внутрь... А про академию я ничего не знал, впервые слышу, честное слово.

— Не лги! — яростно заревел старик. — Академию Дремор знают все в мире!

Голову Кости сдавило невидимым обручем, а невидимая рука принялась взбалтывать мозг, вызывая чудовищные страдания. Костя забился в припадке на полу, попеременно со стонами и криками боли рассказывая о себе и о том, как попал в это место.

— Вот даже как... — задумчиво произнес старик. — Кхм, интересная перспектива вырисовывается. Твой друг, маг-порталист, еще раз сможет открыть переход?

— Он не маг... — возразил Костя и был тут же перебит:

— Маг — если смог открыть магический портал по своему желанию, а не дожидаясь стечения обстоятельств! И если еще раз попробуешь задержаться с ответом, голем отрубит тебе палец. Ты понял?

— Понял, — как можно проникновеннее сказал Костя.

— Отвечай.

— Мм, не знаю. Нет, правда не знаю. Я просидел в том зале несколько часов. За это время Архип точно попытался бы запустить ту арку. Наверное, что-то случилось. Я там несколько пластин оторвал, когда провалился сюда, может быть, Архипу нужно купить

детали и установить, а это время...

— Какие пластины? Ты с ними сюда попал?

— Нет, — отрицательно замотал головою Костя, — голый я сюда попал, хотя и падал одетым. А пластин тоже не было... нет, постойте, был кусочек! Маленький совсем, я его на мраморной плите оставил.

Сразу после его слов великан развернулся лицом к выходу и пошел прочь. При этом старик не отдавал ни одной команды вслух. Дверь в зал сама закрылась за гигантом, стоило ему переступить порог.

— Рассказывай о своем мире, — приказал старик.

— Ага, секундочку... — отмахнулся от его слов Костя и бросился к выходу. Но сколько бы он ни толкал, ни упирался руками и спиной в бронзовые створки, те даже на миллиметр не сдвинулись.

— Наигрался? — ядовито спросил старик.

Через секунду голову землянина вновь сдавил невидимый обруч. В глазах потемнело, в ушах набатом стучала кровь, едва не разрывая барабанные перепонки. Костя катался по каменному полу и выл, как раненый зверь. Пытка длилась не больше минуты, но этих шестидесяти секунд хватило, чтобы сломать землянина.

— Еще? — с превосходством спросил старик.

— Нет, не надо!.. — тут же торопливо произнес Костя.

— Господин.

— А?.. — непонимающе спросил Костя и тут же был «награжден» новой вспышкой боли. К счастью, очень короткой, не более двух-трех секунд.

— Когда разговариваешь со мною, не забывай произносить «господин» или «дремор». Теперь ясно?

— Да... господин.

Это слово Костя выдавил из себя тяжело. Не привык он перед кем-то стелиться, унижаться. Жизнь с родителями, вращающимися в высоких кругах и имеющими немаленькую власть, наложила отпечаток на его характер. Внутри все бунтовало, когда он признал господство невидимого собеседника. Но страх, поселившийся в его душе после недавних двух приступов непереносимой боли, заставлял спрятать гордыню до лучших времен.

— Рассказывай о своем мире, раб.

Костя непроизвольно вскинулся, как от удара кнутом, сжал кулаки и бросил взгляд, полный злости, на золотую голову. Но через секунду спохватился и быстро опустил лицо к полу, пряча глаза. Не время сейчас для достойного ответа, нужно смириться, терпеть оскорбления, благо что они еще словесные.

— Господин дремор...

— Просто «дремор»! — почти зарычал старик. — Дремор — маг над всеми магами; маг, достигший предельных высот в големостроении; маг, который получил бессмертие в металлическом теле! Обращение «дремор» уже само по себе означает «господин».

— Да, дремор, я понял вас.

Для себя Костя решил, что именно так и будет называть этого мага. «Господин» на подсознательном уровне вызывало отторжение до бешенства, а вот обращение «дремор» было обычным набором звуков.

— Последний раз повторяю свой вопрос, в следующий раз ты будешь жестоко наказан.

Что из себя представляет твой мир?

— Называется Земля. Населения около десяти миллиардов человек. Магии нет, вернее, я никогда о ней слышал, только слухи и выступления разных шарлатанов. Очень сильно развиты технологии...

Костя рассказал все, что знал. Часто прерывался, когда пересохшее горло отказывалось издавать звуки. В такие моменты старик злился и награждал мгновенными уколами боли. Под конец рассказа появился великан. Он молча дошел до стола с головой и положил на серебристую пластину оплавленный кусочек металла, который притащил с собою с Земли Костя.

— Мифрил?! Однако, — удивленно воскликнул старик. — И много этого металла было у твоего друга?

— Я не разбираюсь в металлах, дремор; это или титан, или магний. Я так считаю. Вроде бы магний может гореть от обычного пламени, а титан — нет.

— Мифрил не горит. Конечно, если это не магический или драконий огонь.

— Тогда это титан. Этот материал достаточно редок, но даже простой человек может его достать.

— И сколько лет ему нужно работать для этого? — заинтересованно спросил старик.

— Месяц. При этом может купить несколько пластин размером в две мои ладони, — сообщил Костя, вспомнив про титановые лопатки в садово-огородных магазинах, пусть и, по словам Архипа, там большей частью подделки.

— Мне нужен твой мир! Мне нужен этот мифрил! — почти зарычал старик. — Глупцы, вы даже не понимаете, какое сокровище держите в руках!..

Костя благоразумно молчал, пока старик ругался и проклинал своих врагов, по вине которых он здесь заперт некоторое столетие, Архипа, что медлит с открытием портала, Костю, который бесполезен... Внезапно прервался и как-то вкрадчиво поинтересовался у землянина:

— А ты не маг?

— Я?! — опешил Костя. — Бросьте, дремор, да откуда? У нас магии нет и в помине.

— Это нужно проверить, — заявил старик и приказал: — Лезь в третий саркофаг.

— Куда?

Одна из «железных дев» бесшумно раскрылась.

— Лезь, раб! Быстро.

Костя сглотнул слюну, бросил быстрый взгляд по сторонам, на золотую голову, через которую смотрел за ним старик, на шестирукого великана, которого невидимый собеседник называл непонятно «големом». Медленно встал с пола и направился к саркофагу, но едва отошел от великана, как резко развернулся к двери и со всех ног бросился прочь. Бронзовые створки опоздали на какие-то полсекунды, захлопнувшись за спиной и чуть не прищемив пятки.

Костя мчался по темному коридору, выставив вперед руки, чтобы не разбиться о препятствие. На острые камешки под ногами, режущие голые ступни, не обращал внимания. Главное, убраться подальше от сумасшедшего старика и его дрессированного великана... С этими мыслями он провалился в яму. Летел почти секунду, приземлился на обе ноги, но высота была такова, что он с размаху приложился подбородком о собственные колени. В глазах полыхнули огни, и Костя потерял сознание.

Ощущения были странные. Сначала темнота и пустота едва улавливались сознанием. Но

внезапно, скачком, превратились в нечто осязаемое. Костя не чувствовал ни рук с ногами, ни вообще тела, но мог передвигаться в этой темноте. Летел вперед, надеясь отыскать выход... хоть какой. Или подсказку, как обрести себя прежнего.

Внезапно впереди вспыхнула яркая белая искра света. Костя устремился к ней и с радостью увидел, как расстояние уменьшается, а искра превращается в крошечную комету, размером с апельсин и с метровым шейфом.

Комета словно ждала землянина. Стоило ему приблизиться к ней, как шар света сорвался с места и ударил в грудь. Все вокруг засияло радугой. Костю окружили разноцветные искры. Одни больно жалили, другие дарили непередаваемое наслаждение. Когда искры погасли, вновь воцарилась темнота.

Следующую комету он увидел нескоро. На этот раз знал, чего ожидать, и смог увернуться от светового шара. Пролетев пару метров, комета взорвалась, как ракета из фейерверка. Искры брызнули во все стороны. Запомнив, какие дарили удовольствие, а от которых нужно держаться подальше, Костя принялся подтягивать «вкусняшки».

Потом была третья, четвертая, пятая... Чем больше Костя впитывал «вкусных» искр, тем чаще попадались кометы и тем быстрее двигался сам. После примерно сотни «съеденных» комет он получил способность ориентироваться в окружающем Ничто и Нигде. Появилось ощущение незримой тропы, которая приведет его домой. Туда и устремился Костя. Скоро увидел очередное светлое пятно, но это была явно не комета — слишком огромное. Это было похоже на облако — пушистое, как вата, сверкающее, как первый снег, и дарующее умиротворение. Костя, не рассуждая, с головою бросился в него... и миг спустя рухнул на пол из раскрытого чрева саркофага. Все тело болело так сильно, как если бы попало под биты гоппиков. Опять накатила тошнота, перед глазами все расплывалось, кружилась голова.

— Интересно, очень интересно... Раб, хочу тебя поздравить — ты маг. Очень сильный. Мало того, ты големостроитель. Если бы не твоя короткая жизнь, мог бы стать дремором!

— Кха, кха... — откашлялся землянин и хрипло спросил: — Почему короткая?..

— Как только ты перестанешь быть мне нужен — умрешь, — спокойно ответил старик.

— Вы это серьезно, дремор?.. — шепотом произнес Костя. И сам понял — серьезнее некуда.

— Не волнуйся, ты умрешь не сегодня и не завтра. Сначала построишь мне новое тело, а для этого тебе нужно выучиться.

— Руна Ир'р! Повтори.

— Ир'р, — послушно произнес Костя, одновременно с произношением рисуя в воздухе перед собою заковыристую фигуру. Шел второй месяц обучения у дремора Марга. Безумный маг, потерявший в древней войне не только живое тело, но и металлическое, в учебе гонял землянина и в хвост и в гриву. Ему плевать было на теорию, историю, порядок составления чар из рун. Просто заставлял зубрить руны и учил напитывать их силой, а затем из этих рун составлять предложения-заклинания. Двадцать часов в сутки на учебу, прерываемые дважды на пять минут для завтрака и ужина.

Более полутысячи лет назад на планете вспыхнула война, аналога которой не знали до этого ни здесь, ни на Земле. Маги разных школ сошлись в битве не на жизнь, а на смерть. Простые недаренные солдаты служили пушечным мясом и обеспечителями комфорта магам между сражениями.

Марг был одним из преподавателей академии Дремор, единственного учебного заведения, выпускавшего големостроителей, в том числе и самых лучших в мире. Достигнув высшей ступени в этом направлении магии, он стал грозным противником для врагов.

Дремор — высший ранг мага-голомостроителя, познавшего все тайны этого мастерства. Дремор был способен вселяться в голема, переходить из одного искусственного создания в другое в случае порчи. Уязвимое тело хранилось в самом безопасном месте. Если же тело погибало, маг не умирал, навсегда получая металлическое тело. Но если попадал под заклинание привязки души, то больше сменить голема не мог без сложного ритуала и моря магической энергии.

Вместе с другими преподавателями академии и лучшими учениками Марг участвовал в сражениях в телах големов, а их настоящие хранились в академии, пока на ту не напали. Погибли почти все. Маргу каким-то чудом удалось сохранить свое сознание в отрезанной голове своего последнего голема. Попав под заклинание привязки души, он больше не мог перемещаться. Так бы и сгинул, если бы не приказал доставить себя, то есть голову, в одну из лабораторий. Артефакт, плита из мифрила, помог выжить.

Столетия не прошли бесследно для рассудка могущественного мага. Год за годом он все больше впадал в безумие. Спасатели не торопились приходить на подмогу, да и сложно это было: академия хранила свое местоположение в секрете, все знающие координаты погибли, а постройки были разрушены до основания. Даже подземная часть сильно пострадала. Проникнуть сюда можно было только через портал, как это сделал Костя. Первый гость за пять столетий. И единственная надежда Марга обрести новое тело.

Дремор не знал, что происходит в мире. Кто победил, кто проиграл. Уже на его памяти от многих государств остались только воспоминания да выжженные высшей магией пустынные территории. Зато он знал, что магов его уровня осталось очень мало, если остались вообще. А еще он хотел отомстить. Все равно кому, лишь бы унять пожар ненависти в груди.

После обретения нового тела (проведения ритуала его нынешним учеником-иномирянином) дремор рассчитывал взяться за создание армии големов. Все знания академии хранились в его голове. Оставшись последним в руинах, он год за годом планомерно уничтожал библиотеки, хранилища с секретными разработками. Если мир

пришел в упадок после войны и не смог восстановить былые знания (учреждений, приближенных к академии по качеству обучения и количеству имеющихся знаний, было очень мало, и все они являлись первоочередной целью для противника, как и преподаватели из них), то Марг его завоюет. Из всех големов до этого времени сохранился только один тяжелый штурмовик, но дремор был способен наклепать таких сотни. Главное, вернуть себя, стать прежним, получить способность двигаться и пользоваться всей магией, а не ее жалкими крохами, доступными сейчас.

Оставалось дело за малым: вбить в тупую голову иномирянина магические руны и сведения по ритуалу.

— Ир'р означает порядок и контроль. А теперь новая руна: рар'рша — изменчивость и текучесть формы. Применяется с руной трал'лр — жесткость и твердыня.

Костя старательно заучивал звучание рун, их вид и магическую составляющую. За малейшую ошибку и промедление следовало наказание в виде вспышек дикой боли и голода. Это было кнутом, а пряником... собственно, пряника-то и не было.

Ел Костя сырое мясо и пил обычную воду. Мясо приносил шестирукий голем, охотясь на змей. Он же носил и воду, сдирая змеиную шкуру чулком, ополаскивая от крови и превращая в подобие бурдюка. Протухала вода в такой емкости быстро, но для не знающего усталости металлического создания ничего не стоило три-четыре раза в день дойти до источника. Иногда Марг отходил от схемы обучения и выдавал редкие заклинания и секреты, когда бывал в хорошем настроении после успехов землянина. Так Костя узнал, как можно расшифровать почти любое заклинание, рунную цепочку или их комплекс, а потом воссоздать заново или взять оттуда часть схемы и применить в другом заклинании. Но такое бывало очень и очень редко. Да и что делать ему, пленнику и рабу, с этим магическим дешифратором?..

С каждым новым днем и новой выученной руной Костя мрачнел все более. Еще полтора-два месяца — и Марг прикажет приступать к ритуалу. Все руны выучены, две трети рунных цепочек, благодаря которым неживой металл превращается в грозные машины смерти, вызубрены на зубок. Пара недель — и Костя выучит остальные. Потом придет время создания деталей голема для Марга. Костя уже был на экскурсии, под контролем штурмовика, в мастерской, заставленной аналогами токарных и фрезерных станков, работающих на магической энергии. Это еще четыре-пять недель. Даже обладая полученными знаниями, Костя не может тягаться с магом, буквально сидящим на океане маны... Если только не придумает нечто нетривиальное.

После экзекуции тело, по ощущениям, напоминало кисель. Кожу покрывали кровавые разводы — пытка была настолько мучительная, что кровь выступила сквозь поры на теле, текла из ушей и носа, шла горлом и сочилась из уголков глаз вместо слез. Если бы не магическая энергия, пропитавшая Костю с ног до головы и заметно укрепившая организм, в этот раз был риск не выжить.

Марг превзошел себя в этом приступе ярости. Пытал землянина до тех пор, пока тот не терял сознание. Затем голем поливал ледяной водой бездыханное тело, и все начиналось сначала.

— Раб, еще одна оплошность, ошибка или косой взгляд — и ты умрешь! — ярился старик. — Я ждал пятьсот лет и смогу подождать еще столько же. Рано или поздно сюда доберется какой-нибудь дурак. Или твой дружок откроет портал и окажется в моих руках.

Костя заскрипел зубами от злости, когда дремор вспомнил Архипа. Про себя он уже не раз истово желал, чтобы приятель не торопился с порталом. Два человека Маргу не нужны, одного просто убьет. И вряд ли нужным будет Архип, ведь Костя уже выучил все требуемые руны и рунные цепочки и даже приступил к изготовлению голема для Марга.

— Дремор Марг, простите меня. Я не знаю, что случилось. Просто накатило на меня отчаяние, хочется жить. Пусть я буду вашим рабом, ничтожным слугой, ненужным учеником, но сохраните мне жизнь!.. — умоляюще произнес землянин, встав на колени перед золотой головой.

— Я подумаю над этим после ритуала. Если он вернет мне прежние способности, то так и быть — останешься жить, — с презрением сказал дремор.

— Благодарю вас, дремор Марг, благодарю!.. Я все сделаю, из кожи вылезу, но сделаю, — твердил Костя и при этом с трудом удерживался от злого оскала, не сводя взгляда с нескольких кусков металла под столом с артефактом.

Из мастерской он принес дюжину стальных слитков, с голубиное яйцо размером, на которые там же, в мастерской, нанес несколько высших рун. Голему было все равно, что там несет подопечный человек. А Марг просто не увидел опасности: постоянное купание в огромном количестве маны снизило его чувствительность к крошечным источникам магической энергии.

Слитки Костя подчеркнуто небрежно свалил у двери и рьяно включился в учебу. Когда же голем ушел на охоту, землянин перешел к действиям. Первым же броском он попытался сбить голову со стола, чтобы лишить ее контакта с поверхностью артефакта и соответственно источником энергии. Но снаряд ударился о незримую стену на границе мифриловой пластины и отлетел в сторону. Следующие шесть слитков, брошенные двумя горстями, улетели под стол. Большого сделать Костя не успел: Марг отошел от шока, вызванного поступком ученика, и обрушил на того потоки боли.

Костя выжил, слитки так и остались валяться под столом. На каждом из этих кусочков металла были нанесены несколько рун, ставивших слитку цель: дотянуться до ближайшей ножки стола, намертво сцепиться с ней и превратить в пластилин, чтобы стол и все, что на нем находится, рухнуло на пол.

Проверка показала, что чары прочности и нестарения на таком же бронзовом столе в мастерской продержались три дня. Для того чтобы изменить свойства двух бронзовых ножек стола с артефактом и головой дремора Марга, понадобилась неделя.

Это случилось в тот момент, когда голем ушел на охоту. Костя вслух диктовал порядок выполнения ритуала, когда две ножки стола сложились гармошкой, словно пластилиновые. Стол рухнул набок, мифриловая пластина шлепнулась на пол, голова Марга с глухим стуком ударилась о каменные плиты и откатилась на два метра в сторону.

— Раб! Ничтожество! Убью!.. — захрипел от бешенства и страха древний дремор. Голова медленно, словно притягиваемая магнитом, двинулась обратно к артефакту. А Костю пронзила острая боль. Он согнулся, упал на колени... но через секунду выпрямился и с усмешкой произнес:

— Нет, старик, это твоя смерть пришла. Без артефакта ты никто. Сам же сделал так, чтобы воспользоваться энергией можно было лишь при контакте с мифрилом. А собственных силенок маловато осталось.

Костя подошел к артефакту, опустился перед ним на колени, сделал глубокий вдох, как перед прыжком в воду, и решительно положил обе ладони на серебристую плиту. И дико

закричал, когда в него хлынули реки энергии...

Ярчайшая вспышка полыхнула перед глазами. Костя почувствовал, что падает. Холод подземелий академии сменился невероятным жаром, словно он падал в печную топку. Все, что произошло с момента, когда он прикоснулся к мифриловому артефакту-накопителю, только сейчас появилось в памяти. До этого, под воздействием океана маны, его разум отключился, заставляя тело действовать на одних инстинктах и затаенных желаниях...

Костя припомнил, как коснулся мифрила и как с каждой секундой его тело стало наливаться светом, пока не превратилось в копию светильников на стенах. С колен он поднимался медленно, ощущая себя воздушным шариком, который наполнили водой: дерни чуть сильнее или толкни — и тонкая резина лопнет, выпуская жидкость наружу.

— Постой, ра... ученик, остановись. Не сделай непоправимого. Я же никогда не хотел тебя убивать, а говорил так, чтобы подстегнуть тебя в ученичестве, — умоляюще произнес Марг. — Клянусь тебе всем святым...

— У тебя нет ничего святого, — глухо произнес Костя. Он наклонился, взял в руки тяжелую металлическую голову и посмотрел в мертвые, слепые глаза.

— Я могу научить тебя всему, что знаю сам. Этот алфавит магических рун — только начало. Я дам тебе такие знания, что сможешь вернуться в свой мир и там повелевать всеми... — лихорадочно бормотал дремор, пытаясь вымолить себе жизнь.

— На Земле нет маны.

— Тогда ты станешь повелителем здесь.

— Нет уж, я лучше подожду друга.

Ладони землянина засветились еще ярче. В тех местах, где они касались головы Марга, металл стал плавиться, как воск. Через несколько секунд от головы остался бесформенный комок металла. Костя разорвал его на несколько частей и раскидал по сторонам.

Энергия продолжала бушевать в нем. Когда на пути к порталу ему встретился голем, спешивший на помощь к своему хозяину, Костя опустился на одно колено и прикоснулся ладонями к каменному полу. С виду ничего не произошло, но когда шестирукий оказался в десяти метрах от Кости, твердый камень под его ногами превратился в болото, в которое и провалился голем. Остался торчать только шлем. С ним Костя поступил точно так же, как и с Маргом, растопив, словно воск. С тем количеством маны, что бурлила в его теле, не нужны были руны и формулы, все условности разделения, принятые среди магов, исчезли, достаточно было одного желания. Но долго Костя не продержится, если не сольет весь излишек энергии во что-то очень емкое, например пустой мифриловый накопитель или портал.

Змеи на пути не встретились. Наверное, многомесячный геноцид заставил их убраться из этих опасных мест. Сколопендры же и прочая хитиновая нечисть чувляли мощь, исходившую от землянина, и благоразумно уходили с его пути.

Вот и порталный зал. Дверь, один раз открытая големом, так и застыла в этом положении.

— Господи, если ты есть, то сделай так, чтобы мне вернуться домой! — впервые в жизни взмолился Костя. Родители были закоренелыми атеистами и сына не то что в церковь не водили, но даже не крестили, несмотря на повальную моду в то время. Но, прикоснувшись к магии, наслушавшись от Марга о храмах, жрецах, творящих чудеса без всякой магии, понемногу стал задумываться о существовании высшего разума.

Прикоснулся к мрамору портала, собираясь активировать его, но тут же отдернул руки.

— Хватит полагаться на авось... — пробормотал себе под нос. — Вдруг не работает и мне придется отсюда уйти за помощью?

Вернувшись к дверному проходу, он счистил плесень с одной из стен, куда мог дотянуться, после чего выплавил в камне короткий, в несколько предложений, текст. Он просил Архипа не торопиться уходить с этого места, если тот сможет перейти через портал сюда, сообщил про огромных змей, опасных насекомых, особо упомянул ядовитые миазмы, исходящие от плесени. Только после этого вернулся к portalу. Опустившись на колени, Костя прижал ладони к мраморной плите и в одну секунду слил всю энергию...

И только сейчас до него дошло, что портал не обязательно должен вести обратно за Землю. Вместе с исчезновением маны вернулась способность трезво соображать.

— А-а-а! Блин!..

Под Костей появилась пустыня, чуть в стороне виднелись какие-то развалины. Падал он на верхушку бархана, оказавшись над ним метрах в восьми. Удар о песок вышел жестким, заставив согнуться в три погибели и покатиться кувырком вниз по склону. К счастью, он сумел избежать своей предыдущей ошибки, когда чуть не переломал себе кости, упав в невидимый колодец в руинах академии: провал оказался изрядной глубины, шестирукому тогда пришлось повозиться, чтобы достать Костю со дна.

В клубах пыли, с полными песка ртом, носом и ушами, чуть не задохнувшись, Костя наконец-то остановился у подножия бархана. Повезло, что портал выбросил землянина над макушкой песчаной горы, а не в стороне, над подножием или промеж барханов. Там еще метров десять пришлось бы лететь, и не факт, что все обошлось бы так благополучно.

— Черт, больно-то как... — простонал он, с трудом разгибаясь и ощупывая ноги. — Уф, целые... повезло, что у меня такие крепкие кости, да и полегчал я на десяток килограмм у Марга на побегушках.

Лежать на песке было некомфортно. Даже сквозь толстую холстину, из которой землянин недавно соорудил себе подобие одежды для работы в мастерской, песок обжигал не хуже разогретой сковороды. Не менее раскаленным был и воздух. Привыкнув к прохладным и местами сырым подземельям академии, сейчас Костя испытывал настоящее мучение. Носоглотку обжигало, дышать ртом не было возможности — через несколько вдохов все во рту пересыхало, а язык превращался в наждачную бумагу.

Но самой главной бедой было, что это не Земля. Ну не могло быть на родной старушке-планете такого магического фона, что окружал его сейчас.

С вершины бархана во все стороны, куда падал взгляд, раскинулась пустыня. Идти можно было на все четыре стороны и с равной вероятностью отыскать как спасение в оазисе, так и смерть от обезвоживания.

Из куска холста, который выполнял роль рубашки, Костя соорудил чалму. При этом поежился, когда голые плечи и спина оказались под жадным пустынным солнцем.

Землянин решил идти к развалинам, которые успел заметить перед падением. Даже если там нет никого и ничего, то среди камней и стен можно отыскать укрытие от палящего солнца и дотерпеть до темноты. Как назло, между ним и руинами расположились самые огромные (по его мнению) барханы. Обходить было долго, приходилось подниматься и спускаться. Почти каждый раз, завершив спуск, Костя без сил падал на песок. Сначала делал пятиминутные передышки, потом они растянулись до двадцати минут.

До развалин он дошел только через несколько часов, хотя расстояние не превышало каких-то четыре-пять километров. К этому времени он едва держался на ногах. Кожа горела

огнем, казалось, что она давно сползла, и теперь солнце с садистским наслаждением поджаривает оголившиеся мышцы. Губы потрескались и опухли.

Когда Костя подошел к развалинам, то не смог сдержать стон разочарования. Лишь обломки стен и колонн возвышались среди песка, больше тут не было ничего. Даже укрыться от солнца, упрямо зависшего прямо над головой, не было возможности. От бессильной злости Костя несколько раз ударил кулаком по лежащей и полузасыпанной песком колонне.

— Как же так?! Почему это происходит со мной?

Он сел, оперся спиной на колонну, не обратив внимания на вспышку боли, сложил ладони на бедрах и закрыл глаза. От жары мозг буквально плавился, мысли путались, рвались. Ничего путного в голову не приходило. Знал только одно: будет так сидеть — и уже к вечеру от него останется иссушенный труп.

— Русские, етитскую вашу маму, не сдаются!.. — прохрипел Костя, адресуя эту фразу неизвестно кому. Перевернувшись на колени, он ладонями стал отбрасывать в сторону песок от колонны. Часто делал передышки, отползая в сторону, и ждал, когда уляжется пыль. Потом вновь возвращался к работе. Примерно за час выкопал под поваленной колонной яму, достаточную, чтобы в ней лечь и вытянуться во весь рост. Прохладнее не стало, но хоть солнце уже не жгло...

Наверное, от усталости и обезвоживания он потерял сознание. Пришел в себя от холода. В первые мгновения пробуждения даже подумал, что пустыня приснилась ему или привиделась, навеянная чертовым Маргом, как одно из очередных наказаний, а сам он лежит на холодном полу в мастерской или в коридоре перед кабинетом-лабораторией дремора.

Но стоило лишь пошевелиться, как все тело отозвалось болью одного огромного ожога.

— Итить вашу м-мать!.. — промычал сквозь зубы землянин. Ночная прохлада принесла избавление от дневной одуряющей жары, встряхнула мозг и ускорила мысли. Пока не печет, нужно осмотреться, попытаться найти воду, укрытие на день и еду. Именно в такой последовательности. Без еды он проживет несколько дней, без укрытия загнетса часов через двенадцать после восхода солнца, а без воды протянет от силы часа три-четыре.

Когда выбрался из своего укрытия, то первое, что увидел, — огромную луну над головой. А рядом со спутником этой планеты висели два шарика поменьше. Спутники спутника. Костя в астрономии разбирался слабо, но знал, что на Земле такого не увидишь — из-за притяжения рано или поздно спутники рухнут на лунную поверхность. Здесь же они были. Магия? Или что-то другое?

Света от спутника планеты хватало. Светло-коричневый, местами желтый и даже серо-белый песок сейчас казался серебряным. Тут и там торчали невысокие, с десятками ветвей и крупными листьями кусты. Костя готов был поклясться, что днем их не было. Галлюцинации?

Парень направился к ближайшему кустику, но, когда до того оказалось около метра, растение скрутило свои листочки в тонкие стручки, собрало развесистые ветки в пучок и шустро исчезло в песке. Костя даже глаза протер: куст был, и вот его не стало. Такая же картина произошла и с двумя следующими: растения будто чувствовали приближение человека и мгновенно скрывались в песке. Докопаться до них Костя не смог.

Когда же он увидел крошечные капельки влаги и маленькие плоды на ветках, то устроил настоящую охоту — крался на цыпочках, полз, совершал гигантские прыжки. И каждый раз безмозглые растения оказывались быстрее. Эволюция научила их в совершенстве спасаться от охотников заводой.

Костя выдохся через пятнадцать минут. Упав на песок, он восстанавливал дыхание и лихорадочно искал способы, как добраться до кустов. Вид листьев, покрытых каплями росы, буквально сводил с ума. Наблюдая, как в нескольких метрах впереди из песка показываются кончики тонких веточек, затем появляется кустик полностью, распускает ветви в стороны и разворачивает листья, Костя вспомнил рассказ гида в Египте. Немолодой мужчина, россиянин, историк-египтолог, переехавший на постоянное проживание в эту страну и нанявшийся сопровождать толпы туристов к пирамидам, с интересом рассказывал, что пирамиды могут быть не только местами погребения усопших фараонов, но и искусственными сооружениями для обеспечения водой засушливых районов. Предположение не подтверждено, но куча предпосылок для этого есть. Тот же гид даже нарисовал простенькую схему, как получить воду хоть в Сахаре, хоть на плато Наска. Всего лишь гора щебня, мелких каменных обломков, а в основании — что-то вроде чаши. Проходя сквозь щели между камнями, воздух охлаждался, конденсат оседал на голышах в центре и капля за каплей стекал вниз, превращаясь в крохотный ручеек.

Желание выжить подстегнуло память землянина. Уже через минуту он лихорадочно рылся в руинах, собирая каменные обломки в кучу и постоянно смотря на небо: не мелькнет ли первый красный отблеск небесного убийцы.

Через час перед ним возвышалась гора всевозможного мусора — обломки каменных строительных блоков, закаменевшие куски глины, раствора, осколки от тех же блоков, которые доводили на месте под нужный размер, сотни черепков от кувшинов и ваз. А под конец он наткнулся на настоящее сокровище — мятую и почти черную от времени медную пластину в треть его ладони. На металле с трудом просматривался незнакомый орнамент: возможно, когда-то давно эта пластина была частью украшения.

Выбрав целое дно от самой большой вазы, Костя поставил ее на дно ямы, выкопанной рядом со своим укрытием под колонной. В нее наложил прочие черепки, стараясь, чтобы те плотно не соприкасались друг с другом. Сверху навалил камней, выбирая наиболее гладкие, без трещин и пор. Крупные блоки расставил вокруг, чтобы те не раздавили хрупкие черепки. Медную пластину с охлаждающими рунами он вложил в самый центр каменной кучи. Через полтора часа перед ним стояла пирамида почти в его рост и шириной в основании около трех метров. Стенки сделал с небольшими зазорами, чтобы между камнями мог проходить воздух.

Остаток времени до восхода солнца провел в поисках пищи. Поймал несколько мелких скорпионов и каких-то жуков с палец величиной. Аккуратно, чтобы не превратить в кашу, прибил насекомых камнями и отложил в сторону. Потом, когда камни превратятся в раскаленную печь, можно будет поджарить «дичь». Сырой эта пакость в рот не лезла, несмотря на то что без еды Костя провел уже почти сутки. Попутно облизывал все камни, на которых выступила роса. Язык после этого почти до дыр стерся, но зато удалось немного приглушить умопомрачающую жажду.

Жарить начало почти сразу, стоило светилу показать самый краешек себя. Ослепительно-белый шар медленно поднялся над небосклоном и начал свой неспешный путь. Костя забился в нору, мечтая о наступлении вечера. То и дело он бросал взгляд на пирамидку камней, точнее — на ее основание, где сквозь небольшое отверстие чернел край расколотой вазы.

Потом стал смотреть туда все реже. Наступил полдень, и воздух раскалился до невероятной температуры. Даже вчера было не так жарко. Костя заскрипел зубами от злости

на гида, оставшегося на далекой Земле. Он там вкусно ел, много пил, носил правильно подобранную для пустыни одежду и получал неплохие деньги за то, что проводит в песках свое рабочее время.

Не вытерпев, Костя наполовину выбрался из-под колонны и сунул руку в пирамидку. И вздрогнул, когда кончики пальцев коснулись холодного и влажного края вазы. Сердце бешено застучало, вновь вспыхнула надежда. Как в детстве, когда ел варенье, Костя слизал с пальцев воду, такую вкусную. Крохи для организма, но сам факт того, что пирамидка действует, вернул интерес к жизни. Уже и воздух был не так горяч, и солнце казалось чуть милее.

Примерно через час Костя вновь полез к чаше. Надеялся, что воды наберется побольше, и он сможет хотя бы приглушить жажду. К сожалению, все было не так. Все та же крошечная лужица у самого края чаши. Влаги там наберется с колпачок от походной фляги, не более.

Причину нашел, когда в отчаянии разобрал часть пирамидки — чаша в основании треснула! Хотя и казалась толстой, но под весом черепков и гольшей не выдержала и раскололась. Или уже была повреждена, а Костя в темноте просто не заметил. Как бы то ни было, но полдня работы пирамидки ушли в песок.

Пришлось разбирать всю конструкцию, закапывать в песок чашу под наклоном, чтобы вода миновала трещину, и вновь возводить пирамидку. Адская работа под палящим солнцем. Хорошо одно — воды ушло много, впитавшись в песок под чашей. Этот песок Костя собрал в холст и отжал над крупным черепком. Вышло стакана полтора. Мутная, с песчинками и отдающая потом вода показалась слаще самого дорого коктейля из фруктов.

Песок, все еще влажный, Костя бережно ссыпал в свое укрытие и прикрыл песочком сухим, чтобы влага не так быстро испарялась. Закончив с пирамидкой, он с наслаждением растянулся на прохладном ложе.

Через три часа с края чаши закапала вода. На этот раз кристально чистая, холодная, отлично утоляющая жажду! Костя пил ее мелкими глотками, и при этом его почерневшие и растрескавшиеся губы улыбались. Он будет жить! Жить, несмотря ни на что.

Вторую неделю Костя шел по пустыне, и конца ей не было. Иногда встречались развалины, похожие на те, первые, что чуть не стали его могилой. Какие-то выглядели посвежее, другие уже чуть ли не по самые верхушки стен занесены песком.

Облегчение наступило на четвертый день после того, как он покинул развалины. Жара уже не так действовала на организм, нормально дышалось, мозг не стремился свариться в черепе. Старая кожа давно сползла лохмотьями. Под ней выросла новая, необычного цвета с бронзовым оттенком, стойко выдерживающая злые солнечные лучи. Тело привыкло к пеклу и научилось экономить каждую каплю влаги. Примерно каждые полчаса Костя делал несколько глотков из небольшого, полуторалитрового, медного мятого кувшинчика. Его он нашел в первых развалинах на третью ночь, когда собирал камни и черепки для еще одной пирамидки. Правда, без волшебного амулета результативность второго сооружения оказалась крайне низкой.

Закопченный до угольного оттенка, смятый в лепешку кувшин был брошен бывшими хозяевами как ненужный. Но для Кости он был дороже мешка с золотом. С трудом вернув ему прежнюю форму, землянин нанес на посудину цепочку рун. И когда на внутренних стенках появились первые капли конденсата, которые неторопливо поползли вниз, собираясь на дне в крошечную лужицу, Костя счастливо засмеялся. Этот невзрачный кувшин был билетом к обжитым местам. А пластину он так и оставил в пирамидке. Пусть лежит: может, однажды спасет кому-нибудь жизнь.

На следующую ночь он перерыл все руины в поисках новых драгоценных находок. Но нашел лишь бесформенный кусок бронзы. Что-то из домашней утвари попало в очаг и там полностью расплавилось. Хозяева забросили слиток в угол, дали розог нашкодившим детям или устроили разнос нерадивой кухарке и забыли. А через много лет его отыскал пришелец из другого мира.

После магической инициации, устроенной Маргом, Костя получил власть над металлом. Любым — бронзой, медью, золотом, сталью и прочими. В них легко укоренились руны и долго держали ману. Но камни — простые и драгоценные, стекло, кости или хитин не поддавались его усилиям. Поэтому он так обрадовался своим находкам. Кувшинчик, зачарованный на собирание влаги, и слиток, который после зачарования стал грозным оружием в руках землянина.

Из слитка, весящего грамм триста, Костя сделал биток. При падении после сильного броска он создавал мини-землетрясение в радиусе двух метров. С помощью битка он охотился. Стоило подобраться метров на двадцать к отдыхающей под палящими солнечными лучами ящерке или змее, как следовал бросок, который оглушал добычу на несколько секунд. А там все зависело от скорости ног Кости. Если землянин успевал добежать до жертвы раньше, чем та начинала шевелиться, то хватал ее за хвост или лапу и несколько раз бил ею по битку. Или битком по ней, что для добычи было одинаково. Камешком с острой кромкой надрезал шкуру, снимал и выбрасывал, а мясо тут же съедал. Сырым и с кровью, чтобы ни грамма питательных веществ не пропало.

В чистом металле мана держалась плохо. Две трети ее вытекало уже через полчаса-час, остальное уходило в течение нескольких дней. Для создания настоящих амулетов нужны были не только руны магического алфавита, но и формулы из этих рун, накопители, которые

брали извне магическую энергию и отдавали ее чарам, электрон, который паутиной покрывал любой амулет, как «дорожки» — электронные платы на Земле.

Растянувшись на песке во время очередного привала, путник ощутил странный запах. Неприятный и странно знакомый. Он сел, зачерпнул ладонью горсть песка и поднес к носу. Пахло... аммиаком? Выкопал небольшую ямку и набрал пригоршню песка из нее. Точно, пахло аммиаком, а еще — застарелой мочой. Костя брезгливо сморщился и тщательно отер ладони о горячий песок. Наверное, он набрел на место стоянки караванов. Десятки животных не один раз останавливались здесь.

Уже другим взглядом землянин осмотрел окружающую местность. Три высоких бархана закрывали большую площадку почти со всех сторон. Закрывали от чужих взглядов и, возможно, злых ветров, переносивших миллионы песчинок и мешавших нормальному отдыху караванщиков. Костя уже дважды успел попасть в крошечные песчаные бури и знал, что такое песок, забивающийся в рот, ноздри, глаза и уши. Места между барханами хватало для сотни крупных животных, верблюдов, к примеру, или быков. И еще для такого же количества людей.

Усталость смыло волной адреналина. Костя вскочил на ноги и забегал между барханами, часто останавливаясь, падая на колени и припадываясь. Через двадцать минут он примерно знал, куда и откуда шли караваны (он сильно хотел, чтобы это были именно караваны, которые водят люди, а не кочующие стада животных,двигающихся каждый год по одному и тому же маршруту). Напившись и подкрепившись змеей, которая уже второй час вялилась под солнышком, свисая с его шеи, как ожерелье, Костя пошел по пахучему следу.

Несколько раз он терял караванную тропу. В этих местах барханов не было, и ветер заносил дорогу толстым слоем песка. Приходилось копать, возвращаться назад, прокладывать маршрут на глазок и вновь копать.

На второй день далеко впереди показались черные точки. В жарком мареве пустыни расстояние до неизвестных было сложно определить. Ускорив шаг, Костя через четыре часа убедился, что надежды оправдались: впереди шел караван. Несколько огромных фургонов, запряженных каждый четверкой большерогих быков, десятка два всадников на небольших мохнатых лошадках, три повозки с яркими матерчатыми пологам, расшитые какими-то узорами или рисунками. Всадниками и возницами повозок и фургонов явно были люди. По крайней мере, две руки, две ноги, голова и тело стандартных пропорций.

Костя ликовал. Но выходить с распростертыми объятиями и слезами умиления навстречу не стал. Знакомство с Маргом его многому научило. Пусть тот был свихнувшимся магом, но и от обычных людей не стоит ждать пирогов и расстегаев при первой встрече.

До самого вечера Костя крался за караваном, держась за барханами метрах в двухстах. Когда солнце село за горизонт, караванчики встали на ночлег. Из одного фургона выпустили (именно выпустили — под холщовым пологом пряталась металлическая решетка и маленькая дверка с большим замком) десять человек, которые занялись быками. Лошадей обихаживали сами всадники.

Косте не понравился вид фургонщиков: худые, заросшие, в каких-то обносках. К тому же каждый из прочих караванщиков так и норовил их пнуть или накричать.

— Ну на фиг их гостеприимство. Дойду за ними до ближайшего города — и на этом спасибо... — прошептал себе под нос Костя и стал сползать с бархана.

Внезапно рядом послышались шаги нескольких человек. Он вскочил на ноги и задал стрекача, но что-то прогудело в воздухе и цепко ухватило за ноги, стреножив в один миг.

Землянин рухнул на песок и покатился по склону бархана. Потерял биток и кувшинчик и чуть не распорол себе бок каменным ножом, который держал за поясом штанов.

Когда падение закончилось, Костя успел освободиться от тонкого волосяного шнура с каменными грузиками, что обвился вокруг щиколоток. Даже замахнулся этим импровизированным кистенем на неизвестного, оказавшегося всего-то в двух шагах.

Противник ловко ушел от удара каменным шаром и в свою очередь взмахнул дубинкой, опустив ее на голову землянина. Перед глазами Кости вспыхнули искры, ноги подкосились. Неизвестный издал удивленный возглас. Затем последовал еще один удар по голове.

В шатер, где Амран и его компаньон Ошитан наслаждались просмотром танца двух новеньких рабынь, не успевших наскучить им за время путешествия через пески, просунулась голова часового.

— Господин Амран, к вам просится начальник охраны, господин Дибер.

— Что он хочет? — лениво поинтересовался работорговец.

— Говорит, что рядом со стоянкой поймали неизвестного, который следил за караваном.

— Вот как? — удивленно приподнял бровь Амран. — Ладно, пропусти, хочу послушать его.

Почти тут же в шатер вошел высокий атлетически сложенный мужчина. На боку покачивается кривая сабля в богатых, отделанных серебром и полудрагоценными камнями ножнах. Одет в дорогой халат с золотой вышивкой, белоснежная чалма прикрывает антрацитово-черные волосы.

Приложив правую руку к сердцу, Дибер чуть наклонил голову, отдавая дань вежливости.

— Что там за лазутчик, уважаемый Дибер?

— Не лазутчик, нет. По виду — оборванец. То ли раб, сбежавший из каравана, то ли караванщик, единственный уцелевший при нападении разбойников или хищников.

— А зачем он следил за моим караваном? — нахмурился Амран. — Ты уверен, что он не разбойничий соглядатай?

— Только боги полностью во всем уверены, — ответил Дибер. — Мои люди заметили его еще днем, когда он рассматривал караван с бархана. Сообщили мне, после чего я разослал несколько разведчиков по окрестностям. Никого больше рядом с нами не оказалось. А ночью оборванец подошел очень близко и был пленен.

— Раб, говоришь? Рабы нам нужны... — задумчиво произнес Амран. — Где он сейчас?

— Связан. Лежит в одной из рабских повозок под охраной. Чтобы лишние глаза не видели, и ненужные мысли в головы слуг не приходили.

— Боишься, что заверения про отсутствие разбойников при наличии пленного соглядатая мало кто услышит? — хмыкнул Амран.

— Такое может случиться. Люди слабы, а пустыня очень опасна. Господин, не торопитесь с рабством для этого пленного, лучше уж связать и бросить в песках на волю богам. Или сломать хребет подальше от чужих глаз.

— Что ты такое говоришь, уважаемый Дибер?! — возмутился Ошитан и даже привстал со своего места. — У нас погибло уже десять этих вонючек. В пустыне рабами не разжиться... уж лучше бы разбойники попались, хоть так я поправил бы свои дела. А этот раб, — Ошитан сделал акцент на последнем слове, — подарок богов.

— При нем были эти вещи, — спокойно произнес Дибер и положил перед работорговцами невзрачный медный кувшин, весь помятый и поцарапанный: только

последний нищий позарился бы на такое убожество. Вторым предметом был бесформенный слиток дрянной бронзы. При виде его Амран невольно поморщился. Давно это было, прошел не один десяток лет, но его спина и зад помнят обжигающий кожаный ремень, оставляющий красные вздувшиеся следы на коже за расплавившийся бронзовый горшок в очаге, когда он позабыл про него и умчался с мальчишками играть.

— Вещи, которые и бродяга не взял бы, — сморщился Ошитан. — И зачем этот мусор нужно в пустыне таскать? Безумец он, наверное.

— Этот кувшин мы нашли в песке, он выпал из рук оборванца. Когда я взял его в руки, то он был пустым, сейчас же... — Дибер не договорил, вместо слов перевернув кувшин горлышком вниз. На дорогие шкуры и атласные подушки вытекла струйка очень чистой воды.

— Ты что делаешь? Да ты знаешь, сколько это убранство стоит? — тут же возмутился Ошитан выходкой главы охраны каравана.

— Постой, мой друг... — остановил бурю недовольства своего компаньона Амран. — Уважаемый Дибер, так этот кувшин был пуст и в него никто не наливал воду?

Только сейчас до Ошитана что-то начало доходить.

— Магический артефакт? Может, даже из самого Саалигира?! — обрадовался Ошитан.

— Боюсь, что ты ошибаешься, мой друг. Кувшин этот — типичная поделка наших мастеров. Старый очень, такими пользовались родители еще в моем детстве, но никак не вещь из древних городов, поглощенных Саалигиром, этим проклятием пустыни. А что со второй вещью, уважаемый Дибер?

— Смотрите сами.

Бронзовый слиток сорвался с ладони воина и врезался в меховую подстилку у входа в шатер. От небольшого куска металла пошла такая волна сотрясения, словно по песку ударил передними ногами боевой мамонт! Один из светильников поблизости от места падения битка подскочил в воздух и завалился на пол. Масло выплеснулось на ковры, по которым тут же побежали голубоватые язычки пламени. Испуганно вскрикнули рабыни и в панике метнулись на улицу. Одновременно с этим в шатер заскочили два охранника с улицы с обнаженными саблями в руках. Едва не столкнувшись с ними рабыни метнулись назад и попытались спрятаться среди сундуков и подушек.

— Что встали? Тушите огонь, живо! — гаркнул на них Дибер, потом повернулся к Амрану и с нотками покаяния в голосе произнес: — Прошу простить меня, господин. Вышло не нарочно.

Работорговец только отмахнулся от него:

— Ничего-ничего, уважаемый Дибер. Ковер этот старый, давно пора было выбросить. А так ты весьма наглядно продемонстрировал действие этого... хм, оружия. Больше ничего полезного у раба не было?

— Нет, господин. Да и эти вещи не высокого качества, быстро мана утечет. Я, как знаете, хоть и слабый, но маг, разбираюсь в волшебных вещах.

— Мне бы умелец, который делает такое с бронзой, ох как пригодился. Считаешь, этот оборванец и есть он? — Амран пылливо посмотрел на своего подчиненного. В ответ тот отрицательно помотал головой:

— Нет, господин, не думаю. Маг, способный зачаровать вещи так действенно, хоть и грубо, по пустыне в обносках ходить не будет. Но даже если и так — мало ли как боги решат подшутить... он не стал бы скрываться и следить за нами. Он бы вышел и предложил свои услуги за проезд в караване. Это проще и надежнее, чем идти следом. Даже разбойники не

стали бы его убивать и, возможно, рано или поздно отпустили бы, если маг не захотел влиться в их шайку.

— Ты думаешь?

— Уверен, — кивнул Дибер. — Маг, который может зачаровать сосуд, чтобы тот давал холодную воду в жаркой пустыне, может рассчитывать на почет даже у своих недругов.

— Тогда кто он, этот оборванец?

— Я считаю, что он уцелевший из каравана в Саалигир. Благодаря этим двум артефактам выжил под пустынным солнцем. Возможно, с ним был маг, который и сделал эти вещи, раненый или ослабевший, уж очень коряво наложены руны. Но маг погиб от ран, проклятия, тварей Саалигира или болезни. Может, воды на двоих не хватало, и оборванец его прикончил, когда тот обессилел. Артефакторы — это не боевые маги, сражаться за свою жизнь не умеют в большинстве своем.

— Еще и убийца... — протянул Амран. — Ему самое место в шахтах.

— Господин, все же я не стал бы этого делать. Я лично могу сломать ему хребет, чтобы не привлечь запахом крови духов пустыни.

— Нам нужны рабы, уважаемый Дибер, очень нужны. Боги знают, сколько этих вонючек помрет, пока доедем до шахт, — вздохнул Амран. — Прикажи, чтобы принесли оборванца сюда.

— Хорошо, господин. — Дибер коснулся ладонью груди у сердца, кивнул головой и повернулся к выходу, но был тут же остановлен вопросом Ошитана:

— А он точно из каравана, что ходят в Саалигир?

— Я уверен в этом, господин Ошитан, — повернулся к нему лицом Дибер. — Цвет загара на его коже ни с чем нельзя спутать. Даже если и не успел переступить черту между пустыней и этим проклятым краем, то, значит, провел несколько дней у самой границы.

Через десять минут внесли в шатер связанного и пребывающего без сознания незнакомца. Через весь лоб к переносице тянулась засохшая полоска крови.

— Он хотя бы жив? — поморщился Амран. — Не проломили голову?

— Череп у него — покрепче бычьего. Только боевым молотом и бить, если расколоть нужно. А простая дубинка лишь оглушила, жить будет, — заверил работорговца Дибер. — Он уже успел очнуться и чуть ли не с кулаками напал на охранника. Пришлось опять оглушить. Буйный.

— Плохо... — произнес себе под нос Амран.

— Что, господин?

— Говорю, на шахтах быстро обломают. Ладно, ступай, я тебя позову позже.

— Стоит ли вам оставаться с этим оборванцем без охраны? Вдруг, когда очнется, опять попытается наброситься? — нахмурился Дибер.

— Уважаемый Дибер, вы считаете, что из меня совсем никакой воин, и оружие на поясе я просто так ношу, для украшения, и чтобы нравиться женщинам? — вкрадчиво спросил Амран, а в глазах его полыхнула ярость.

— Простите, господин, — виновато ответил Дибер. — Я лишь забочусь о вас и господине Ошитане.

— Сами справимся. Ступай и прихвати с собою рабынь.

Когда охранник ушел, забрав с собой двух перепуганных девчушек с красивыми серебряными ошейниками на шеях, оба работорговца занялись оборванцем, что лежал перед ними на дорогом ковре. Очень высокий, невероятно худой, но видно, что до невзгод был

статным и ладно сложенным молодым мужчиной. Возраст сложно определить из-за длинных волос и бороды. Но седины нет, морщины не успели залечь вокруг глаз, кожа на исхудавшем теле упруга. Вряд ли больше двадцати пяти лет. По возрасту подходит для выпускника магической школы или академии. Самым ленивым и бездарным как раз по силам (их же это и выделяет) грубая работа с рунами и маной. Почти гол, только плохо скроенные из полусопревшей толстой холстины штаны до колен прикрывают срам. Ни малейших следов рабского ошейника, спина чистая, без шрамов от кнута и палок, на руках и ногах не видно потертостей от кандалов. Амран мысленно горько вздохнул: свободный человек... скорее всего, он и есть создатель кувшина с водой и боевого битка.

— Фу, самый настоящий оборванец... — скривился Ошитан.

— Или маг, который единственный выжил в Саалигире и смог дойти до караванной тропы, — заметил Амран.

— Маг? — оживился Ошитан. — Это неплохо. Пусть за свое спасение и проезд наделает нам таких кувшинов с водой. У нас их по весу золотом в любом караван-сарая раскупят.

— Не получится, мой друг, — покачал головою Амран. — Наш Дибер излишне прямолинеен и не смотрит в будущее. Зря он посадил этого человека к рабам. Если хотел спрятать, то нужно было спрятать в палатку к охране. Там опытные воины, их разбойниками не напугать, да и язык за зубами держать умеют. Или хотя бы оглушил как следует. Теперь же этот маг — если он маг, конечно, — никогда не простит нам рабский загон. Потому и набросился на охранника, когда понял, где оказался.

— Вот же... — скривился Ошитан. — Тогда нам остается его только убить.

— Зачем разбрасываться добром? — хитро улыбнулся Амран. Он встал, сделал несколько шагов до одного из сундуков, ключом, который всегда держал при себе, открыл замок. Из сундука достал большую шкатулку. С ней он вернулся на прежнее место. И только усевшись на мягкую подушку, откинул крышку.

— Вот. — Амран продемонстрировал бронзовый ошейник, собранный из нескольких пластин. Самый обычный, с такими «украшениями» щеголяют все рабы.

— Мага такой ошейник не удержит, — скептически осмотрев вещь, вынес вердикт Ошитан. — Убить проще.

— Тебе бы все товаром разбрасываться... — поморщился его компаньон. — Это не простой ошейник. Достался от наших тайных друзей.

— Так это...

— Тсс, — приложил палец к губам Амран, — не нужно лишних слов.

Ошейник был изготовлен в Нектакоре или другом городе некромантов. Магов смерти не любили во всем мире, даже щедро платили золотом за голову каждого некромага. Пойманных на совместных делах с этими изгоями сажали на кол или ломали хребты и бросали в пустыне.

Но для работорговцев некроманты были самыми щедрыми клиентами. За простых рабов в том же Нектакоре можно было получить золота, как за трех на любом другом легальном рынке рабов. А за мага некроманты отсыпали золота столько, что даже один пленник многократно окупал всю поездку и издержки с опасностями. Вот для магов и держал Амран такие ошейники. Отличить их от обычных мог лишь опытный специалист. А такие сидят по крупным городам, и на рабские рынки никогда не заглядывают, им и без того хватает средств для вкусной жизни.

Амран приложил ошейник к шее пленника, свел края и соединил их между собой.

Ошейник мгновенно засиял, когда же свечение потухло, то определить, где стык, стало невозможно.

— Ему бы язык еще отрезать? — предложил Ошитан. — Чтобы не болтал лишнего в караване.

— Режь сам, если так хочется. Только клинок накали в огне, чтобы и рану прижечь, и кровью тут не замарать убранство.

Ошитан вытянул из ножен кинжал, посмотрел на зеркальное дорогое лезвие, которое так неохота было портить огнем, и положил клинок на огонь масляного светильника. Когда кончик приобрел темно-красный оттенок, работорговец взял оружие и наклонился над пленником. Ухватил левой рукой за скулы, собираясь разжать тому рот. Но, чуть не выронив кинжал, отпустил пленника и непроизвольно отшатнулся назад:

— Боги милостивые!.. У него зубы!

— У всех людей есть зубы, — усмехнулся Амран. — Не бойся, он без сознания и не укусит.

— Но не такие же!.. Сам убедись.

Амран двумя пальцами развел чужие губы и, как несколькими секундами ранее его компаньон, не смог сдержать удивленного возгласа.

— Он точно маг, — убежденно произнес Ошитан. — Амран, может, все-таки убьем его?

Старшему компаньону уже и самому не казалась стоящей идея получить *такого* раба. Но и отступить уже не мог. Во-первых, было жаль использованный ошейник, теперь снять тот очень сложно: нужно резать голову и смачивать металл свежей кровью. А запах ее может привлечь духов пустыни к каравану. Недаром при казни рабов обычно душили или ломали хребты. А с места побоища старались поскорее уйти, оставив в жертву кого-нибудь из еще живых. Во-вторых, откажись он от своего решения — и это может подорвать его авторитет в глазах компаньона. Не стоит признаваться в своих ошибках, особенно если они не фатальные.

— Наоборот, это может означать, что он не маг. Маг не превратился бы в такого урода. Обычный измененный из Саалигира. Повезло ему, что только зубы изменились. М-да, возможно, на него хватило бы и обычного ошейника... И жаль, что Дибер слишком слаб как маг, не может определить, кто перед ним — маг или простой бродяга. М-да...

Ошитан на минуту задумался, сверля настороженным взглядом пленника, наконец в его взгляде промелькнуло облегчение: видимо, поверил убедительному тону своего собеседника.

— Помоги рот ему разжать, — попросил он компаньона.

Тому идея прикоснуться к пленному с такими изменениями казалась неприемлемой, страшно было работорговцу.

— Да ну его... мало ли что там за язык у этой твари. Отрежешь — отрастет вновь. Или жало какое воткнется в ладонь, стоит разжать ему зубы. Неспроста же они у него такие. Его в повозку с буйными посадим. Все они там обделены богами, будет всего лишь еще один безумец, называющий себя магом, свободным человеком или кем там еще и оттого рвущийся на свободу.

Костя пришел в себя с жуткой головной болью и тошнотой. Со стоном приподнялся на руках, потом сел и коснулся макушки. Ладонь нащупала огромную, в полкулака, шишку. Сотрясение мозга точно есть, оттого и тошнит. Через все лицо протянулась полоса засохшей крови. Несколько капелек попали на глаза и намертво склеили ресницы. Косте пришлось

несколько секунд тереть смоченные слюной веки, чтобы получить возможность видеть окружающее. До этого момента старался не обращать внимания на неприятные запахи и странные звуки вокруг.

«Я в «обезьяннике», — была первая мысль, когда землянин раскрыл глаза. Решетка из толстых металлических прутьев со всех сторон недвусмысленно на это намекала. Рядом на узких скамейках из потрескавшихся некрашенных досок сидели несколько человек и угрюмо смотрели на новичка. Сам Костя оказался на полу, толстые бруски которого были крест-накрест сбиты, оставляя широкие щели.

«Чтобы в клетке ничего не оставалось из гадости разной», — догадался землянин. Видимо, узников выпускали из клетки крайне редко, все надобности они справляли здесь же.

И только сейчас в больной голове всплыли подробности вчерашнего... — наверное, вчерашнего, не провалялся же он несколько дней без сознания? — вечера. Как его спалили на слезке, как он кубарем летел с бархана, получил по голове и очнулся в этой или похожей клетке. Как напал на охранника, не успев отойти от недавней схватки. И вновь получил по многострадальной голове. И не только по ней — вон как ноет все тело, изрядно его отбуцкали...

С кряхтением Костя поднялся с пола и сел на скамейку. Пришлось подвинуть соседа. Удивительно, но огромный косматый мужик, одетый лишь в грязную набедренную повязку, без слов сдвинулся в сторону, освобождая место.

Что-то терло шею. Костя поднял правую руку и ощупал предмет, доставляющий такие неудобства. Не поверив, он уже двумя руками начал исследовать... ошейник.

Рабский ошейник!

— Суки!.. — бешено прохрипел землянин, когда до него дошло это осознание. Он попытался сорвать ошейник, но стоило подсунуть под тонкие пластинки пальцы, как рабское украшение резко сжалось, закрыв доступ воздуху. Мало того, тут же последовал сильный удар током. Тело выгнулось, затылком и лопатками ударились по прутьям решетки.

На шум среагировал один из охранников. Приподняв матерчатый полог, прикрывающий рабов от солнца и частично от пыли, и увидев судорожно бьющееся тело, он довольно улыбнулся и опустил полог обратно.

Путешествие каравана продлилось три недели. Двадцать один день пришлось прожить Косте в клетке на колесах, не имея возможности ни выпрямиться во весь рост, ни походить по ровной, без дыр, куда проваливается стопа при неловком движении, поверхности.

За это время умер один из его спутников. Самый крупный мужчина, со звероватым выражением лица и короткой бородкой. Скорее всего, умер от истощения, так как пайки теплой воды и комковатой каши едва ли хватило бы крепкому подростку, чтобы волочить ноги. Что уж говорить про здорового мужика...

Караван уже неделю как покинул пустыню, что ознаменовалось слегка улучшившейся кормежкой. Каши стало доставаться чуть больше, вода перестала отдавать затхлостью и была почти всегда прохладная.

— Завтра или послезавтра нас отвезут на рынок, — сообщил Кром.

С этим рыжеволосым здоровяком, подмастерьем кузнеца, попавшим в плен во время набега степняков на его селение, Костя сдружился за время путешествия. Немалую роль сыграло то, что землянин единственный из всех присутствующих понимал его язык. За что стоило благодарить покойного Марга, сковородку ему пожарче да маслица туда побольше, наградившего знанием нескольких наречий. Костя знал как минимум три языка: староимперский, на котором разговаривали очень многие в этом мире, бунский — жителей пустыни и степи, таррл — родное наречие Крома. Другие наречия в караване ему слышать не приходилось.

— Ошейники снимут? Хоть на минуту? — с надеждой спросил Костя. Украшение на шее надежно блокировало все его попытки воспользоваться магией. И наказывало за малейшую попытку бунта или снятия.

— Мы с ними расстанемся только после смерти, — угрюмо сказал несостоявшийся кузнец и исподлобья зыркнул на стоящего рядом с их клеткой охранника. Тот расположился на походном стульчике в пяти метрах от клетки, чтобы не мешал неприятный запах, и с наслаждением пил темное прохладное пиво из глиняного кувшинчика.

Кром оказался прав лишь отчасти. На рынок их никто не повез, просто на следующий день пришли уже чужие, то есть не виденные ими ранее охранники, сковали руки-ноги, перегрузили в свои фургоны и куда-то повезли. Набили рабов так, что дышать было тяжело и приходилось стоять во весь рост, плотно прижимаясь к соседям. Зато в новом фургоне можно было выпрямиться полностью.

К вечеру под колесами захрустел гравий, иногда сквозь прорехи в тенте мелькали крутые скальные кручи. Несколько рабов не сдержали эмоций, подробно пройдясь по родословным своих бывших и настоящих владельцев и даже богов.

— Плохо дело, — вздохнул Кром. — На шахты нас везут. Там жить нам года два или три в самом лучшем случае.

Уже в темноте фургоны заехали на просторную площадку, на которую и выгрузили рабов. Уставшие люди, ослабевшие еще за время пути по пескам, падали на каменную мостовую, стоило им лишь покинуть фургон. Не удержался на ногах и Костя.

Долго валяться не вышло. Едва последний раб покинул фургон, как прозвучала властная команда на имперском: «Встать!» Когда же ее проигнорировали, на людей спустили собак.

Огромные волкодавы, в шипастых ошейниках и с огромными клыками, с рычанием

набросились на изможденных людей. Если бы животным дали команду насмерть порвать рабов, то от двух десятков пленников остались бы кровавые ошметки. А так все отделались неглубокими укусами и трясущимися поджилками.

Придав толпе рабов подобие колонны по двое, их погнали с площадки в каменный барак, где с них сняли кандалы, выдали гору рваной и грязной одежды, сунули по сухарю и кожаной фляге. Воду торопливо, под окрики конвоиров, набирали из источника, вытекающего прямо из скалы. И опять гонка по узкой тропке, зажатой высоченными скалами, вверх в горы.

Едва дышащих от усталости — и с непривычки от такой нагрузки — людей загнали на небольшой пятачок, огороженный низкой оградой из неровных обломков скальной породы. Здесь они должны были просидеть до утра.

Чуть переведя дух и напившись воды из фляги, Костя принялся за ревизию того барахла, что выдали на складе. Ему достались, с состоянием разной потрепанности: подштанники из не очень толстой ткани с кучей заплат и следов штопки; кожаные просторные штаны, такие толстые, что впору легким доспехом назвать; рубашка, надеваемая через голову и сохранившаяся чуть лучше, чем подштанники; кожаная куртка, не уступающая по защитным свойствам штанам; кожаный шлем — конус из *очень* толстой потрескавшейся кожи, похожий на вьетнамские соломенные шляпы; и перчатки с большими крагами. Все грязное, вонючее. Костя решил, что наденет такое только после стирки или хоть какой-нибудь обработки. Правда, через два часа он изменил свое мнение, когда свежий горный воздух взбодрил его до гусиной кожи и непроизвольного стука зубами.

Утром их раскидали по рабочим местам. Не было никакой переклички, опроса, придирчивого осмотра. Просто к новичкам подошел один из стражников, с минуту водил взглядом по худым фигурам, на которых топорщилась кожаная одежда, потом ткнул пальцем в пятерых и приказал идти за ним. В эту пятерку попал и Костя.

Землянина и еще одного из отобранных включили в группу шахтеров-рабов, что рубили породу под землей и вывозили в тележках на поверхность. Косте выдали кирку, заправленную маслом лампу, пять сальных свечей и ткнули пальцем в сторону черного зева пещеры, возле которого постоянно сновали люди.

Костю и его напарника Зорхана, типичного жителя пустыни, впервые увидевшего горы и потому испытывающего инстинктивный страх перед ними, встретили на подходе к пещере. Четверо крепких здоровяков, с небольшими бородками, длинноволосых, одетых один в один как Костя, но выглядящих в своей экипировке гораздо внушительнее, а не как огородные пугала. У каждого сквозь расстегнутый высокий воротник куртки виднелся рабский ошейник.

— Вы, что ль, с нами?.. — через губу произнес один из рабов, не самый большой, но наиболее упитанный и с властными нотками в голосе.

— Наверное, — пожал плечами Костя. — Нас отправили сюда без объяснений.

— Значит, к нам. Так, хватайте тележку — и за мной, — приказал собеседник. Потом повернулся спиной к Косте и неторопливо пошел в глубь пещеры.

— Что за те...

Костю оборвал один из оставшейся троицы:

— Сюда иди.

Сперва Костя решил, что та будка, возле которой толпилась троица из его новой артели, это передвижная подсобка или что-то вроде. Размером с УАЗ-«буханку», на высоких, больше

метра, колесах. Борта ниже, чем высота машины, но не намного. Все, даже колеса и толстые оси, сделано из дерева. Спереди и сзади имелись толстые канаты с ременной сбруей.

— Впрягайся.

Косте бросили канат с широкой, больше ладони, кожаной петлей. По примеру соседей он продел руку в петлю, перекинул ремень через плечо, уподобившись волжскому бурлаку. Кирку с фонарем землянин по совету старожиллов положил в тележку.

Пустая тележка катилась легко. Более-менее ровная поверхность дороги позволяла не сильно напрягаться. Иногда навстречу попадались такие же грузовики, нагруженные по края бортов. Волокли их големы, иногда люди, рвущие все жилы, чтобы сдвинуть с места неподъемную телегу.

Големы были громоздки и некрасивы. По сравнению с «покойным» шестируким — жалкие уродцы.

— Здесь големы? — удивился Костя.

— Удивлен?

— Есть немного. Не думал, что на такой шахте их увижу, — признался Костя.

— Что, считаешь, что куча рабов с кирками дешевле обойдется? — скривился его сосед.

— Вроде того, — осторожно сказал Костя. — Разве не так?

— На этой шахте добывают парнт. Слышал о таком?

— Не-а.

— Хм. Может, видел шкатулки, ларцы, ножны там... инкрустированные камнем, переливающимся тремя цветами?

— Тоже нет.

— Откуда же ты такой взялся?!

— Там, где нет украшений из па... парнта.

— Ладно, драконы с тобою... В общем, камень этот очень дорогой: не как алмазы-рубины, конечно, но, учитывая, сколько шкатулок-ларцов-ножен-гребешков можно им украсить, в целом доход получается выше, чем с драгоценных камушков. Порода, в которой парнт залегает, такая плотная, что нам с тобой тут кирками никак не справиться, а вот големам вполне по силам. Ничего, скоро сам попробуешь.

— Так они же дорогие в производстве, големы эти? Я от одного старика слышал, своего учителя... дракону его на завтрак, а тот — от другого старика в своем детстве, что големы только в армии использовались, еще у аристократов всяческих как телохранители. А чтобы на шахте — ничего подобного.

— Смотрю, любишь ты своего учителя, — хохотнул собеседник. — Кстати, меня Ромулом зовут.

— Любил; сдох старикашка, чему я очень рад. А я — Костя.

— Кость?.. Что за имя, зачем тебя костью назвали родители?

— Да нет, не кость, а Костя...

Через пару минут сошлись, что Костя станет Костом. Ну непривычно местным с их рыкающим произношением выговаривать «мягкие» слова.

— А наши големы — это одно название. Сталь и бронза — гаже не найдешь, кристалл — дырявый, словно сито, энергия так и вытекает. Вода испаряется быстрее, чем магический болван успевает нарубить породы на полтележки. Руны наложены вкривь и вкось, то и дело рассыпаются на части... о, вроде пришли.

Ромул зажег свечу и поднес огонек к правой стене, постаравшись поднять повыше. Там

были нанесены несколько непонятных отметок, судя по виду — копотью от лампы или факела. Они свернули из главного штрека в боковой. Двигаться сразу стало тяжелее. То и дело приходилось останавливаться и убирать с пути камни, чтобы тележка могла проехать. Здесь факелов не было, пришлось зажечь две лампы и двигаться с ними. Через полчаса и несколько поворотов на развилках они наткнулись в забое на своего старшего. И голема.

Металлический истукан поражал своей громоздкостью и несуразностью. Если шестирукий казался огромной каплей ртути, то эта груда стали и бронзы — горой металлолома. Туловище похоже на самовар. Непропорционально маленькая голова. Шеи нет совсем. Нет и нормальных рук, вместо них два приспособления: отбойный молоток и что-то похожее на бур с тремя коронками. Ноги короткие, тумбообразные.

— Что-то вы не торопились, — скривил губы старший и эдак задумчиво произнес: — Пайку вам урезать, что ли...

— Побойся богов, Тинпир! — возмутился Ромул. — Двое новеньких лишь из клетки вылезли, у них только кожа с костями. Себя донесли до этого места, и то хорошо. Им пару недель тут привыкать нужно.

— Ничего, сегодня привыкнут, — резко ответил Тинпир. — Ради этого мяса я не собираюсь терять прибавку и выходные. Кирки в руки — и начали работать.

Пока они тащили тележку, Тинпир успел, разумеется управляя големом, нарубить гору породы. Прочим шахтерам предстояло раскалывать тяжелые глыбы кирками и закидывать в тележку. Через час без сил свалился Зорхан. Опустил кирку на камень, после удара не смог ее удержать в руках, а через секунду рухнул сам. Парня оттащили в сторону и продолжили работу.

Костя смог дотерпеть до того момента, когда тележку заполнят породой до краев. Только после этого сел возле стены, давая отдых натруженным мышцам.

— Силен, ничего не скажешь! — с долей восхищения произнес Ромул, встав над землянином. — Ладно, отдохнул, и хватит — пора сдавать добычу.

— Черт... — прохрипел Костя. — Хоть пару минут дай...

— Ладно, пара минут у тебя будет. Пока мы сбрую на голема приладим.

В тележку запрягли голема. Да и не смогли бы люди сдвинуть ее с места. Если только разгрузить наполовину. Те самые канаты, в которых до этого потел Костя с товарищами, сейчас привязывали к торсу голема. Просто взять их в руки за петли и потащить за собой магический истукан не мог — не то строение конечностей. Зато он легко сдернул тележку с места.

Со стоном Костя поднялся с холодного пола и поплелся следом. Самым последним ковылял Зорхан. В одном из штреков, ведущих к выработкам и штольням, Костя стал свидетелем гибели двух шахтеров. Они тащили пустую тележку, когда с потолка посыпались пыль и мелкие камешки.

— Обвал!!! — дико закричал кто-то из чужой команды. — Береги...

Последнее слово заглушил страшный треск. Сверху посыпались камни и мелкий щебень. Несколько таких ударили по широким полям шляпы Кости и безвредно отскочили в стороны. А вот чужакам не повезло: сразу двум шахтерам раскроило головы крупными камнями. Люди не успели скинуть построжки и отскочить в сторону, за что и поплатились.

— Тут такое часто бывает. Гора мстит нам, что ее нутро рвем. Бывает, что за тысячу шагов голем породу бурит, а по жиле сотрясение доходит до других, спокойно отдыхающих в своей штольне. Там их и давит.

Костя нервно передернул плечами, представив, как каменная махина падает сверху, ломая кости и раздавливая плоть своим весом.

Выйдя из пещеры, Тинпир повел голема с тележкой куда-то в сторону. В пятистах метрах обнаружилась большая площадка, усыпанная мелким щебнем и крупными обломками, которые кирками и кувалдами дробили рабы. Рядом с площадкой стояло небольшое строение из камня.

— Ждите, — бросил Тинпир своим спутникам и скрылся в здании, перед этим вежливо постучав в дверь. Вышел через пять минут в сопровождении толстого стражника. Или местного чиновника. Черт их разберет: тут почти все они ходят в доспехах и с оружием.

Толстяк обошел тележку и приказал открыть борт. Ромул и еще один из старожилы команды поднатужились, выбили клинья из пазов и дернули на себя одну из стенок тележки с грубоковаными толстыми петлями. Тут же отскочили в стороны, чтобы не попасть под куски породы, посыпавшиеся на землю.

— Маловато для пяти креров, — с неудовольствием произнес стражник. — Тут четыре-то с трудом наберется. И порода бедная, парнта тут и на шкатулку не потянет. Тинпир, ты обмануть меня захотел?

Толстяк нахмурился и грозно посмотрел на старшего команды шахтеров. Но тот ни капли не смутился, подскочил к стражнику, угодливо поклонился и осторожно взял его за руку. Костя заметил, как между пальцами Тинпира сверкнула искра.

— Хм, с первого-то раза и не рассмотрел я... Да, тут есть пять креров. Вон откатились камни, когда твои открывали борт. Да самые жирные, богатые парнтом. Аккуратнее нужно, ты своим внушение обязательно сделай.

После чего черкнул что-то на куске пергамента, вручил тот Тинпиру и скрылся в здании.

— Чего встали? — набросился на свою команду старший, едва за стражником закрылась дверь. — Без обеда хотите остаться? Быстро разгружайте.

Слова о скорой возможности подкрепиться подстегнули людей. Даже Зорхан принял участие в разгрузке: принимал камни из тележки и оттаскивал их в сторону к таким же. Очень быстро тележка опустела. Накинув на плечи ненавистные ремни, люди отволокли свое транспортное средство в сторону, где стояли несколько десятков таких же. Один из них остался на охране. Ромул пояснил, что не у всех такие хорошие повозки, многие были бы не прочь «поменяться». Так что без охраны никуда.

Голема увел Тинпир, и, пока он не вернулся, команда стояла и ждала его, глотая голодные слюнки и бурча животами в ответ на ароматные запахи из местной столовки: нескольких огромных котлов на открытом воздухе. Лавки из толстых досок стояли вдоль длинных столов, за которыми ели шахтеры.

Кормили сытно, хотя разносолами и не баловали. Перловая каша с капелькой сала или масла, судя по янтарным блесткам и аромату, огромный ломоть хлеба низкого качества и вода во фляге, набранная из родника в скале.

— Ромул, а что Тинпир передал тому толстопузу?.. — наклонившись к уху соседа, чтобы не услышал никто другой, прошептал Костя.

— «Слезы гор». Полудрагоценные камни. Спрос на них хороший и встречаются часто. Здесь они дешевые, а вот где-нибудь в соседнем герцогстве цена увеличится раз в пять. Я тебе их потом покажу, чтобы не пропустил невзначай. За них тут многое можно достать, даже женщину на ночь.

Костя быстро втянулся в работу. Только иногда накатывали тоска и ярость на тех, кто определил его в рабы. Тогда он мысленно выл и сжимал камни до боли в пальцах. Дважды он был близок к мысли покончить с жизнью. Но сдержался. Особенно раздражал его новый облик. Неизвестно когда — при переходе сквозь межмировой портал или во время инициации — Костя приобрел новую внешность. Его серо-зеленые глаза потеряли «весенний» цвет и приобрели металлическую насыщенность, словно в глазницах плавали два шарика ртути. Молочно-белые зубы сменились серебристо-серыми, будто дантист вставил ему коронки из нержавеющей стали. При этом никаких изменений парень не ощущал, а зубы даже стали прочнее: в несколько попыток Костя перекусил медный прут толщиной со стержень для гелевой авторучки и, проведя затем языком по зубам, не обнаружил ни царапинки, ни скола. Изменился и вес землянина — стал больше. Хотя и выглядел он после путешествия по пустыни ходячим скелетом, но весил порядочно, словно кости скелета изрядно уплотнились или изменили свой состав.

Еще был шанс, что все эти изменения произошли с ним при ночевках рядом с Саалигиром, который часто уродует людей. Товарищи так же думали, утверждая, что характерный загар только там и можно и получить, совсем рядом с границей проклятой земли. Костя согласился бы с ними, тем более что свое отражение в зеркале он увидел только здесь, на шахте. Имелось, правда, одно «но»: прочность костей и вес он обрел еще в руинах академии Дремор.

Кормили тут хорошо, побоев без причины почти не было. Нужно только постоянно быть начеку и озираться кругом. Зорхан погиб через три недели после прибытия сюда. Глупо погиб. В узком штреке не успел отскочить и был раздавлен неуклюжим големом. Металлический болван буквально размазал раба тонким слоем по стене. Чуть позже один из команды не заметил трещину в полу и провалился в нее, сломав ногу.

Втроем стало гораздо тяжелее раскалывать породу на куски перед погрузкой в тележку. Тинпир же, кроме как управлять големом, ничего не делал. Еще бесился, что команда не выполняет норму и ему приходится отдавать «слезы гор», чтобы замасливать чиновника. Под это дело стал забирать все полудрагоценные камни подчистую, хотя раньше только каждый третий, найденный его командой, уходил в карман поводырю.

Поводырями тут называли рабов, которые могли управлять шахтными големами. Из-за несовершенства конструкции големы подчинялись далеко не всякому. Выявлял таких счастливицков маг, проводя над рабами простенькую инициацию способностей.

Поводырей всегда не хватало. Очень часто стандартные команды шахтеров раздувались до отрядов в двадцать — тридцать человек и лишь с одним големом. В таких случаях только приближенные поводыря выполняли и перевыполняли норму, привозя полную тележку породы. Прочим же едва хватало сил, чтобы дотянуть до пункта сдачи хотя бы половину.

Смертность шахтеров была огромна. Они задыхались в штольнях, попадали под обвалы, проваливались в подземные трещины, внезапно появляющиеся под ногами. Их давили големы, запарывали насмерть стражники за воровство и драки. Многие просто пропадали. Иногда их останки находили в самых дальних штреках, куда рисковали забираться только самые отчаянные.

Команда Кости однажды наткнулась на такого несчастного. Тинпир решил отыскать

место, где парнта будет побольше и не придется из раза в раз таскать пустую породу. Спустились глубоко, наверное, глубже всех шахтерских команд. И вроде Тинпир по каким-то признакам определил, что жила с парнтом залегает совсем рядом. И такая жирная, что им, если приволокут пару тележек, предоставят день отдыха и еду повкуснее надоевшей перловки.

— Там что-то есть, — указал Костя на темную массу дальше по проходу. Освещение масляные светильники давали плохое, шагов на пять-шесть, и все.

— Проверь, — приказал Тинпир. — А вы все приготовьтесь. Мало ли что.

У поводыря с Костей с самого начала возникли разногласия. Заметно отличающийся от местных воспитанием, знаниями и манерой держаться землянин часто вступал в спор с Тинпиром, игнорировал те команды, которые считал нелепыми. Старший бесился, однажды попытался кулаками объяснить новичку, что тот сильно не прав. И был бит. После этого исподтишка старался навредить парню. То подводил к тому голема излишне близко в надежде раздавить, то старался вызвать обвал над его головой, заставляя металлического болвана активнее работать отбойником поблизости от землянина.

Вот и сейчас направил Костю на разведку, зная, что непонятный предмет может запросто оказаться подземным хищником. Раненым, спящим (хотя шум люди создавали — будь здоров) или притворившимся мертвым.

Осторожно, держа впереди кирку, чтобы оттолкнуть опасность или сунуть в пасть хищнику, тот пошел вперед. Можно было и послать Тинпира по матушке, но землянин давно работал над авторитетом, создавая себе образ безбашенного отморозка и лидера. Да, лидера. Со дня на день он собирался подойти к магу и попросить проверить его как поводыря. Горсть «слез гор» была заначена в одной из штолен в качестве взятки. Если маг даст добро, то он попытается создать свою команду. Ромул, Кром и еще пара знакомых шахтеров, в которых он был уверен, войдут в нее.

Потому, если он откажется сейчас, его никто не осудит, но капля мутного осадка на авторитете останется. А капля воды камень точит.

— Черт! — непроизвольно воскликнул Костя, когда увидел, *что* лежит впереди.

— Что там? — беспокойно отозвался Ромул.

— Скелет тут. Белый совсем, чистенький.

Человеческий скелет был объеден так, что не осталось ни одного волоконца мяса на костях. Белый, словно вываренный в кипятке.

— Назад! — почти заверещал от страха Тинпир. И первым подал пример, бросившись вон из штольни. За ним потопал голем, а ему вслед пристроились трое шахтеров, не решаясь в тесном проходе обогнать металлического увальня.

Позже Костя узнал, что такое с человеком делает один из подземных обитателей — слизень. Увидеть его невозможно, настолько хорошей мимикрией обладает. Может днями напролет висеть на потолке, дожидаясь добычу. А потом падает, оборачивается вокруг жертвы и очень быстро растворяет желудочным соком.

Кроме слизней в заброшенных глубоких выработках жили гигантские крысы, слепые собаки, сколопендры размером с человека и многие твари, про которых только и известно, что они точно есть. Когда-то целые подземные поселения были в этих горах. Добывали все — серебро и золото, драгоценные камни, минералы для инкрустаций, мрамор. Край был очень богатый. Потом две империи схлестнулись между собой. Это та война, в которой Марг участвовал. Вот только он не застал ее конец.

Кто-то из архимагов решил призвать потусторонних существ для победы в сражении. Потом за ним это повторили второй, третий... И скоро всевозможных тварей с обеих сторон билось великое множество. Очень часто архимаги рвали межмировой покров на чужих территориях, выпуская кровожадных и никем не контролируемых существ. Дошло до того, что оба войска очень часто сражались только с тварями. Межмировая стена из-за таких прорывов истончилась настолько, что лопнула. Физические законы многих вселенных перемешались, и родился Саалигир — опаснейшая территория, широкой полосой прошедшая через половину материка и выскочившая местными язвами во многих точках мира. Война на этом закончилась. Империи распались, от прежнего их величия остались только названия. Выжившие занялись очисткой территорий от тварей. Магов, кто умел открывать межмировые порталы и выжил в войне, единогласно признали виновниками во всем и принялись травить, как чумных крыс. Очень скоро в живых не осталось ни одного архимага-порталиста. Эта ветвь в магическом искусстве попала под запрет.

Твари же, которые обитают на нижних уровнях шахт и в самых глубоких подземельях, и есть потомки тех существ, что пришли из других миров. Кто-то выжил и смог дать потомство, другие скрестились с местной фауной, и метисы вышли еще чудовищнее своих родителей. Хотя и прошло несколько столетий после войны, а с ее последствиями до сих пор не справились.

— Кост, ступай в ратушу, тебя Леон желает видеть, — с гадкой улыбочкой произнес Тинпир, подойдя к столу, где обедала команда.

Костя с подозрением посмотрел на поводыря.

— Зачем ему туда идти? — спросил Ромул, опередив землянина.

— Да так, экспедицию собирают, нужны сильные, выносливые и неглупые. Я и посоветовал нашего общего друга, — широко ухмыльнулся Тинпир. — Кост, ты бы поторопился, а то Леон ждать не любит, мигом десяток палок пропишет.

Когда Костя встал и ушел, наградив Тинпира мрачным взглядом, Ромул негромко произнес:

— Зря ты это сделал, Тинпир. Когда Кост вернется, он с тебя шкуру спустит. И поверь, все мы в этот момент отвернемся.

— Молчи!.. — зашипел старший. — Это я вас кормлю, без меня и моего голема вы никто. С голоду сдохнете.

— Ну-ну... — покачал головой Ромул, но накалять обстановку не стал. Вроде бы недолго Кост с ними находится, а вот поди ж ты — сумел добиться уважения к себе. Жаль будет, если больше не увидятся.

Леон, толстяк, который заведывал приемкой породы из шахты, а также наказаниями и наградами рабов, попытался сорвать злость на Косте, едва тот показался на пороге.

— Раб, тебе когда приказано было появиться у меня? — раздраженно спросил он у вошедшего. — Я уже час тебя жду.

— Я пришел, как только узнал об этом. Тинпир сообщил мне менее пяти минут назад, господин Леон. Вероятно, он не посчитал ваше указание срочным для исполнения.

— Врешь же?

— Ромул из нашей команды подтвердит, господин Леон. И Ник с Ораррном тоже, если не испугаются Тинпира.

С минуту стражник сверлил парня тяжелым взглядом, потом сказал:

— Ладно, проверю. Виновный встанет к столбу и менее чем десятью ударами не отделается. А сейчас идешь вниз. Страже покажешь этот пропуск. На месте отыщешь господина Манола и скажешь, что включен в состав экспедиции.

Стражник кинул Косте медную пластинку на бечевке, которую нужно было повесить на шею, чтобы окружающие ее видели. Видя, что землянин не торопится уходить, Леон нахмурился:

— Раб, я велел тебе уйти.

— Господин Леон, а вы не расскажете немного больше об этой экспедиции?.. — попросил Костя и положил на стол перед стражником пять мелких «слез гор».

— Из рабов почти никто не возвращается живым. Спуск предстоит в самый низ пещер, к древним поселкам... Все, уходи, а то прикажу исполосовать тебе спину. Прочь.

До самого поселка, где жили стражники со свободными мастерами, Костя шел на автопилоте. Слова Леона выбили его из колеи. Даже появилась мысль сбежать, но быстро передумал. Никуда не скрыться с этой каменной тропы, она с двух сторон заперта: шахтой с рабскими бараками и поселением свободных жителей. Не по отвесным же стенам карабкаться... Да и ошейник через несколько дней убьет, если землянин удалится далеко от шахты.

Все так же на автомате нашел Манола, десятника стражи, который определил его в подвал, где уже сидели два десятка рабов. Мрачные, как и Костя, они не были расположены к разговорам. А вечером их сытно покормили кашей с кусочками жилистого мяса и напоили сильно разбавленным водой вином. После неплохого ужина и сна на свежей соломе и в тепле настроение улучшилось. В самом-то деле, ведь и не из таких передрыг он выбирался. Марг и вовсе готовился его убить, а что в итоге вышло?

«Ничего, прорвемся», — мысленно пообещал себя Костя.

Утром их всех вывели наружу, накормили не хуже, чем в ужин, и построили в одну шеренгу. Через час, когда уже все устали перетаптываться на одном месте, подошел крепкий старик. При виде незнакомца Костя мысленно присвистнул: силен! Старик буквально светился магической энергией. До архимага ему далеко, но любому молодому чародею, только окончившему школу магов, еще дальше до уровня этого дедка.

— Стоим ровно, ничего не боимся! — приказал незнакомец. К каждому из рабов он подходил с небольшим жезлом, касался им ошейника, ждал, когда оба предмета засветятся и погаснут, затем переходил к следующему. Когда процедура была проведена над всеми в строю, старик поднял правую руку, обнажил запястье с узким «панцирным» браслетом и сообщил: — Каждый, кто отойдет больше чем на три тысячи шагов от этого браслета, — мучительно погибнет. Кто не выполнит мой приказ — мучительно погибнет. Попытается напасть на любого из экспедиции, даже такого же раба, как и он, — мучительно погибнет. Вас никто жалеть не собирается, запомните это накрепко. Самые дисциплинированные вернутся назад.

Старик ушел, а рабов погнали сначала в баню, а потом переодеваться. Одежду выдали новую и на порядок лучшего качества, чем была. Особенно Косте понравились ботинки, почти идентичные берцам с Земли. К ним же шли высокие краги из очень толстой кожи, застегивающиеся ремешком на подошве у каблука. Подошва толстая и мягкая. Хоть и из кожи, но ничуть не уступает резине. Явно не без магии сработана.

Каждому выдали по добротной кирке, большому ножу, мотку веревки и масляной лампе с запасом топлива. Пятеро самых крепких получили по толстому двухметровому лому. Еще

Костя заметил, что рядом с домом, куда ушел старик, стояли два шахтерских голема.

— Я слышал, что из таких экспедиций никто не возвращается... — угрюмо произнес один из новых попутчиков Кости. — Нас в самую преисподнюю погонят. А если кто и выживет, то на обратном пути прибьют стражники, чтобы лишнего не разболтали.

— Лучше бы пообещали свободу, чем вернуть обратно, — подхватил второй. — Для меня эта шахта смерти подобна.

— Пообещать они могут что угодно, да вот выполняют ли? — заметил другой. — С возвращением на шахту хоть все честным кажется. А скажи старик про свободу, я бы первым приготовился к смерти. Ну не в правилах отпускать рабов вроде нас, здесь в большинстве преступники, приговоренные к казни или вечной каторге.

— Много ты понимаешь!

— Понимаю больше твоего. Я на шахте три года уже и, как видишь, живой и здоровый. И женщины меня иногда ночами согревают, и ем я пищу получше того вареного ячменя, которым остальных кормят.

— Да ты...

— Молчать! — рявкнул на разговорившихся шахтеров стражник. — Живо построиться!

Они простояли больше трех часов, пока вновь не появился маг.

— Так, есть работенка для пары самых смысленых. Что, нет желающих? — притворно удивился он, с усмешкой смотря на заволновавшихся рабов. — Значит, будем выбирать. Ты и ты, ну-ка, быстро надели эти браслеты и позвали сюда големов. Некогда мне возиться с вашей инициацией, проверять способности. Воспользуемся методом вероятностей.

Старик бросил первым двум шахтерам массивные бронзовые браслеты, точно такие же носили поводыри в шахте.

— Быстрее!

От резкого окрика здоровенные мужики вздрогнули и торопливо защелкнули браслеты на запястьях.

— Почувствуйте голема, это просто, если есть способность. Тем более что я улучшил эти развалины, доброго слова не стоящие.

Но прошла минута, а результата не было.

— Все понятно с вами, — махнул рукой маг. — Снимайте и передавайте следующим.

Следующая пара также оказалась пустышкой. После них браслет попал в руки Кости. Принимал он тяжелый — больше чем полкило точно — браслет из черной бронзы с дрожью и ликованием. Сейчас может исполниться его мечта. Только ради этого стоило попасть в экспедицию. Защелкнул браслет на запястье и уставился на голема, мысленно приказывая тому шагнуть. Бесполезно, даже не шевельнулся.

— Следующий, — приказал старик и нетерпеливо махнул рукой, поторапливая шахтеров.

В этот момент в груди у Кости вспыхнул пожар. Горло сдавило ошейником до черной пелены перед глазами. С глухим стоном землянин упал на одно колено и схватился рукой за грудь. Тут же вокруг него образовалось свободное пространство: напуганные непонятым поведением товарища прочие шахтеры решили держаться от него подальше.

Костя испугался всего на мгновение, а затем от счастья чуть не завопил: он почувствовал тонкую ниточку, странное единение с кем-то большим, полным энергии и готовым выполнить его приказ.

— Подними руки вверх! — чеканя каждое слово, радостно произнес парень.

И один из големов, заскрипев сочленениями, медленно поднял и бур и отбойник к небу.

— Чудненько, — хмыкнул маг. — Отчего упал?

— Это от волнения, господин маг, — торопливо поднялся с земли Костя. — Иногда, очень редко, такое бывает со мной. Я давно хотел стать поводырем, и вот сейчас...

— Ладно-ладно, — скривился старик от потока слов собеседника, — потом на радуешься. Следующий пусть браслет примеряет...

Второй поводырь нашелся на тринадцатом проверяемом. Наконец подготовка к походу закончилась. Рабам выдали тяжелые мешки с запасами и погнали прочь из поселка. Кроме двадцати пяти шахтеров, с ними вышли пять стражников, маг и двое его учеников — молодые парни, ровесники землянина.

Костя, внутренне опасаясь, что его сейчас одернут, прицепил свою ношу к голему. Стражники это увидели, но слова не сказали. Глядя на это, так же поступил и второй поводырь.

Управлять големом было просто и удивительно. Тот реагировал даже на простую мысль. Только необходимо было четко думать, что же нужно сделать голему. Иногда срабатывал ошейник, чувствительно сдавливая шею и жая болезненными разрядами. Но Костя старался терпеть и не показывать виду. Вероятно, два магических предмета конфликтовали: браслет усиливал даже самые слабые способности к магии, а ошейник их старательно запирали.

Отряд покинул охраняемую территорию шахт и стал подниматься в горы по извилистой дороге. Чем круче становилось, тем тяжелее приходилось големам. Громоздкие и неловкие конструкции не были привычными к таким переходам и кручам. Иногда, когда дорога уж очень сильно вздымалась вверх, шахтерам приходилось тащить големов на веревках. Поэтому с каждым разом на Костю смотрели со все большей ненавистью. Словно это он заставляет металлического болвана оступаться и срываться с камней, хотя сам тянет канаты наравне со всеми. К полудню все вымотались настолько, что ноги подкашивались. Недалек тот момент, когда люди упадут на камни и не поднимутся даже под угрозой смерти. Наверное, это понял и старик и решил подбодрить:

— Немного осталось. Вон за той горой лагерь стоит. Чем быстрее доберемся, тем скорее получите пищу и сможете отдохнуть.

Землянин посмотрел в указанную сторону и тяжело вздохнул: по самым скромным прикидкам, нужно еще пяток километров по крутому подъему пройти...

Дошли.

Всех рабов, кроме Кости и второго поводыря, отправили на отдых. Им же пришлось слить кипяток из големов, выждать, когда резервуар слегка остынет, и залить свежую. Потратили почти час и едва не свалились прямо там же. Да только стражники прогнали к остальным. Удивительно, но о них помнили и оставили поесть. Проглотив холодную кашу с кусочками мяса и запив простой водой, Костя тут же уснул, едва успев подстелить войлочный коврик.

Утром их подняли с первыми лучами солнца. Накормили и заставили сворачивать лагерь. Пока укладывали палатки и увязывали утварь в мешки, Костя постарался рассмотреть все вокруг. Стражники, которые вчера сопровождали шахтеров, прямо после завтрака отправились обратно. Их место заняли три десятка наемников, среди которых было несколько женщин. Довольно-таки малосимпатичных, на взгляд Кости.

К ученикам мага присоединился еще один, точнее, одна. Девушка не старше двадцати лет. Высокая, с короткими каштановыми слегка вьющимися волосами и ярко-голубыми

глазами. Выражение симпатичного лица чуть надменное. Просторная мантия скрадывает фигуру: видно, что не пышечка, — и только. На девчонку исподволь поглядывали все шахтеры.

Кроме шахтерских големов, в лагере оказались еще пять. На этот раз истинно боевые. Два рослых, человекообразных, похожих на перекачанных культуристов, но в огромных рыцарских доспехах. И три механических... хм, «тигра». «Рыцари» вооружены массивными арбалетами, глефами и секирами на коротких рукоятках. У стальных «кошек» только гигантские когти на лапах и клыки размером с кинжал. Эдакие саблезубые металлотигры.

Двигались все пешком. В головном дозоре постоянно находился один из «тигров» и три наемника. «Рыцари»-големы прикрывали тыл, но были готовы в любой момент переместиться в голову колонны, если дозор обнаружит опасность. Костя, второй поводырь и оба шахтерских голема также шли позади всех. Два «тигра» прикрывали фланги.

На второй день отряд оказался в маленькой долине, окруженной горами со всех сторон. Костя с перевала заметил в ее центре крупный поселок или даже маленький городок. Когда же через несколько часов люди подошли к стенам поселения, то увидели, что оно заброшено. И очень давно. Прямо на мостовой перед воротами росли деревья с толщиной стволов почти в обхват. Прямо на крышах ближайших домов выросли мелкие деревца. Издалека же, с перевала, эта зелень смотрелась как аллеи и лужайки, разбитые местными жителями, которые без ума от красоты природы.

Городок решили обойти стороной, чтобы не нарваться на местных хищников. Но то, что жило в заброшенном поселке, имело личное мнение. И лучше бы это были хищники... Дорога из брусчатки за сотни лет сохранилась очень хорошо. Поэтому старик-маг решил идти по ней, чтобы не сбивать ноги по полевым кочкам. Дорога по широкой дуге огибала городок, в одном месте приближаясь к стенам на сотню шагов...

Здесь на них и напали.

С ближайшей башни сорвалась изумрудного цвета небольшая капля, как это виделось на расстоянии, и очень быстро полетела к людям. Предостерегающе закричал маг, торопливо воздвигнув между собой и неведомой опасностью переливающуюся жарким маревом стену. «Капля», приблизившись, оказалась довольно большим и очень плотным облаком тумана или пара. Магическую защиту она задела самым краем, тут же частично развеявшись. Но оставшаяся часть враждебного заклинания ударила по людям, взорвавшись в нескольких метрах над головами. Маги поставили индивидуальные щиты, у наемников имелись защитные амулеты. А вот рабам пришлось несладко.

Послышались крики боли, ужаса. Каждая капелька туманной взвеси оставляла на коже огромные язвы. Больше всего досталось рабам, которые не имели при себе ни единого волшебного предмета для защиты. Кожаные куртки шахтеров плавилась, как воск, под воздействием чужого заклинания.

— К бою! К бою! — надрывались десятники наемников. Бестолково суетящихся рабов, срывающих с себя одежду, расползающуюся прямо в руках, солдаты награждали тумаками, не жалея кулаков, рукояток мечей и древков секир.

— Твою-то етит!.. — сквозь зубы выругался Костя, увидев, как из проломов в стене к ним несутся десятки скелетов.

Серые и белые костяки, в обрывках одежды, с частями поржавевших и растрескавшихся доспехов, с оружием и голыми кулаками очень быстро сокращали расстояние между людьми. Первые скелеты, самые легкие, не обремененные оружием и остатками экипировки,

оказались рядом с отрядом меньше чем через минуту. А наемники еще не успели построиться, чтобы встретить врага стеной щитов и острой стали. В этом немалую роль сыграли впавшие в панику шахтеры, мечущиеся из стороны в сторону и не обращающие внимания на зуботычины и угрозы бойцов.

Спас ситуацию старик. Он выставил в сторону подбегающих скелетов открытые ладони и что-то прошептал. С его рук сорвался шквал, настоящая буря. Ближайших врагов откинуло далеко в сторону, разметав на отдельные кости. Следующих повалило и потащило по земле назад. Некоторые особо упорные скелеты, пытающиеся зацепиться за землю, лишились своих рук.

— На меня не рассчитывайте! — сумев перекричать окружающий шум, сообщил маг. — Там лич или кто-то похуже!

Скелеты были разные. Какие-то рассыпались на части от сильного удара мечом, кости других оставляли зазубрины даже на секирах. Вот эти последние сохранили оружие и какие-то воинские навыки. К счастью, таких было не очень много, и ими занялись големы. Полсотни слабых умертвий против пяти стальных машин, созданных людьми для сражений.

Так вышло, что Костя оказался в стороне от схватки. Оба шахтерских голема как стеной закрывали землянина от взглядов неживых. Всего в нескольких метрах от него лилась кровь, полыхали заклинания, звенела сталь. Испуганный, немного растерянный, он стоял, сжимая в руках кирку, и не знал, что делать.

Старик бомбардировал чарами башню, на которой засел лич. Но огонь и кислота бессильно скатывались с невидимой пленки, окружающей каменное строение. Ученики в меру сил расправлялись со скелетами и прикрывали магическими щитами уязвимых шахтеров.

Второй удар лич нанес через пять минут. Над отрядом сгустилось грязно-серое густое облако, закрыв солнце. Через несколько секунд из него, как град, посыпались мелкие костяные стрелки. Часть снарядов завязла в поставленном стариком щите, малое количество прорвалось сквозь истончившуюся защиту и ударило по сражающимся. Заклятие не разбирало, где свои, где чужие, в равной мере досталось всем. И опять шахтеры умылись кровью. Острые стрелки размером с карандаш пробивали тела насквозь. Кроме того, они оказались очень хрупкими и, встретившись с костями, раскалывались на несколько острых фрагментов, которые рвали плоть во всех направлениях.

— Вперед, быстрее! Еще быстрее! — приказал Костя своему голему.

Второй металлический шахтер неподвижно стоял на месте, наверное, его хозяин погиб или был тяжело ранен. Несколько скелетов заметили поступок Кости и решили наказать. Быстрые, верткие твари избегали ударов киркой и ловко били в ответ. Если бы не толстая кожа одежды, то Костя за каких-то десять секунд рисковал лишиться левой руки и получить дыру в животе. Ударив ближайшего противника киркой, Костя сломал ему два ребра и ключицу, что сразу уполовинило подвижность скелета, да и меч из покалеченной конечности выпал. В отместку скелет уцелевшей рукой схватился за кирку.

Костя выругался от души. Ухватившись двумя руками за кончик рукоятки своего оружия, он со всей силы толкнул противника в сторону голема, который безрезультатно размахивал конечностями, пытаясь достать вертких врагов. Легкий скелет кубарем покатился по земле, прямо под ноги голему. Следуя приказу, металлический шахтер наступил широченной стопой на умертвие, раздробив череп и часть грудной клетки. И сломав кирку.

— Вот же ты гад!.. — сквозь зубы прошипел Костя в ответ на действия неуклюжего

помощника.

Одно из умертвий попыталось воспользоваться моментом и ткнуло мечом сквозь щель в бронзовых пластинах, надеясь повредить внутренний механизм. И не успело отскочить от бура, который за секунду разнес ребра и позвоночник. Третий скелет, оставив голема, набросился на Костю. Не желая рисковать, землянин устроил забег вокруг своего металлического помощника. И на втором круге неупокоенный попал под отбойник, который разнес череп на десятки кусочков. Через пару секунд от скелета осталась лишь кучка переломанных костей.

Разобравшись с врагами, Костя подвел голема к основанию башни, на которой засел лич. Немного опасался, что магический щит не пропустит. К счастью, ошибся. По команде человека голем врубился в каменную кладку, кроша старый камень. Бур и отбойник, предназначенные для дробления очень плотной породы, с легкостью крушили блоки из серого известняка.

Голем выкладывался по полной. В таком темпе он проработает минут двадцать, пока не перегреется и не замрет на месте. Первой неприятностью оказалось, что почти на полтора метра от земли башня была монолитной. Второй — их заметили. Из толпы сражающихся вырвались несколько тонких просвечивающихся фигурок и бросились к голему и его поводырю.

Ругаясь во весь голос, Костя прекратил работу и развернул механизм в сторону опасности. Сам подхватил ржавый меч одного из скелетов, сжал рукоять двумя ладонями и приготовился к драке. Но проверить свое мастерство мечника Косте не пришлось: все скелеты слизнула волна воздуха, впечатав их в стену в нескольких метрах от землянина.

— Шахтер, продолжай работать! — донесся до Кости голос мага. — Свали башню. Тебя прикроют!

— Прикрывальщики фиговы!.. — ругнулся парень себе под нос. — Ладно, уговорили.

[Купить полную версию книги](#)